

Последний легион – последняя надежда Вселенной!

ПОСЛЕДНИЙ ЛЕГИОН

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

КРИС БАНЧ

military science fiction

Кристофер Банч

Последний легион

Серия «Последний легион», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122084

Банч К. Последний легион: ЭКСМО, Валери СПД; М.; 2002

ISBN 5-699-00384-3

Аннотация

Конфликт между `раум, жителями одной из планет звездной системы Камбры и Конфедерацией переходит в партизанскую войну. Едва ли не главными виновниками и героями этого столкновения становятся Гарвин Янсма и Ньянгу Иоситаро, два легкомысленных молодых наемника, которым нет особого дела до разборок политиков и вояк.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	58
Глава 6	70
Глава 7	82
Глава 8	90
Глава 9	114
Глава 10	118
Глава 11	121
Глава 12	130
Глава 13	134
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Кристофер Банч

Последний легион

Посвящается Дону и Кэрол Макквинн, Меган Зусне, Гэри Дотяну и Джиму Фискусу, не говоря уж о настоящих Бене Дилле и Джордане Бруксе

Глава 1

Росс 248/Планета Уотала/Праймпорт

Мимо переулка на малых оборотах проехал полицейский «пылесос». Люди в его кабине – бледные лица под шлемами – безучастно смотрели только вперед.

«Бака, – подумал Ньянгу Иоситаро. Он пристально смотрел им вслед, пока гравимобиль с красной полосой не взмыл высоко вверх над куполом в дальнем изгибе улицы. – Дебилы».

На Ньянгу были темно-коричневые брюки и гимнастерка, головным убором служила скатанная в шапочку маска. Раскатав ее и поудобнее пристроив прорези для глаз, он вышел из переулка. Широкий бульвар был тих и безлюден, и только слегка шипели фонари. В нескольких витринах света не было, но большинство ярко сияло: манекены в вызывающих позах, мебель, ультрамодные наряды. Иоситаро, как и любой

житель припортового района Доксайд, такие вещи мог только украсть.

Ньянгу переметнулся на другую сторону бульвара, к зияющему дверному проему, забранному стальной решеткой.

«Замок „Райарт“, модель 06, – констатировал он. – Не самый сложный, но и не самый простой. Четыре ручки с цифрами. Нужны три попытки. На четвертой, в зависимости от кошелька и паранойи хозяина, либо намертво застынут ручки, либо сработает сигнализация. Попробуем по-простому. На заводе такие замки ставят на 4783».

Он набрал комбинацию. Безрезультатно.

«Хозяин думает, что он здесь самый умный. Но бывает, решетку отпирают продавцы. Может быть... Вот он, номер дома, – 213. Ноль в начале или в конце? Наверное, в начале».

Он быстро провернул ручки. Раздался щелчок, решетка распахнулась.

«Хозяин здесь не умнее других».

В устланном тяжелыми коврами торговом зале стояли двенадцать низких витрин с застекленным верхом. Они вращались по замысловатой траектории. Драгоценные камни внутри, играя падающим с улицы светом, походили на чешуйки диковинных рептилий.

Ньянгу достал из поясной сумочки коммутатор, нащупал кнопку передачи, нажал, на счет «три» отпустил, нажал еще, отпустил на «раз», потом опять на «три». Шесть темных фигур с улицы бесшумно вошли в пасть дверного проема.

Иоситаро, не оглядываясь, вышел на тротуар. С этими он встретится позже, заберет свою долю.

Он быстро пробежал три длинных квартала, потом свернул в темную улицу, сорвал с себя маску и перчатки, запихнул в сумочку. Перешел на быстрый шаг. Теперь он преобразился в хорошо одетого худощавого юношу, который припозднился и очень спешит домой, чтобы лечь спать. Не более того.

Сзади, на бульваре, ухнул выстрел, потом второй и третий. Послышались крики, кто-то выл от боли. Громкоговоритель с металлическим дребезжанием изрыгал приказы. Слов было не разобрать, слышалась только казенная интонация.

«Зараза!»

Отстегнув с пояса сумку, Ньянгу достал из нее книгу в кожаном переплете и закинул весь оставшийся там инструмент взломщика под припаркованный гравимобиль. Он шел уже прогулочным шагом, выставив свой «Дао дэ цзин» на всеобщее обозрение. «Когда, вы говорите, закрылся храм? – Час назад. Нет, простите, полтора часа. – И вы, конечно, не успели на последний бас? – Да, не успел и остановился у ларька перекусить. Вот у меня и салфетка в кармане. – Ладно, свободен. Вот только салфетки в кармане нет».

Он прошел еще домов десять и переходил дорогу, когда посреди мостовой его настиг луч прожектора. Пушки «пылесоса» выплюнули серпантин арканов. Один шнур обмотался вокруг талии, другой – обхватил колени, и Ньянгу упал. Пе-

ревернувшись на бок, он увидел пару приближающихся ног и очертания бластера.

– Не двигаться! – раздался бесстрастный, металлический голос, как у робота. – Полиция Содружества! Вы задержаны по подозрению в незаконных действиях и как лицо, представляющее опасность для жизни граждан и для общественного порядка. Малейшее движение будет считаться нападением на полицейского.

Ньянгу подчинился

– Отлично. Лучше не дыши. – Голос начал напоминать человеческий. – Эй, Фрэн, мы его взяли!

От «пылесоса» отделилась другая пара ног. Луч фонаря выхватил из темноты смуглое лицо Ньянгу, носок ботинка ткнулся ему в спину.

Один из полицейских, взявшись за веревки, поставил его на ноги. Иоситаро оказался выше обоих копов.

– Ты, конечно, не взламывал магазинчик «В&Е» на Гизебекштрассе, а? Минут этак десять назад?

– Не понимаю, о чем речь.

– Ага. И никакого Ло Чена, никакого Худы и никакого Бертура, ты, конечно, в глаза не видел? Мы их только что накрыли. Как и других твоих дружков.

Иоситаро сдвинул брови, делая вид, что вспоминает. Помотал головой.

– Волнуешься, засек тебя наш летающий мазок или нет? – радостно поинтересовался полицейский. – Но, видишь ли,

теперь это не важно. Ведь ты попался вот с этим. – Он извлек из своего ботинка небольшой карманный бластер. – Зачем он тебе понадобился?

– Первый раз вижу, – выпалил Иоситаро, мысленно проклиная себя. Разгуливать во время облавы!

– Еще раз увидишь на суде, – сказал второй. – Когда мы тебя брали, он вывалился у тебя из-за пояса. Так что, Иоситаро, обвинения на тебе – не позавидуешь. Нарушение комендантского часа, пребывание за пределами своего района, ношение огнестрельного оружия. Ну и, даже не знаю... Может, ты пытался вытащить эту штуку, чтобы нас подстрелить?

– Конечно, пытался, – подхватил первый. – Я точно видел.

– Ну, тогда еще покушение на убийство. Этого тебе хватит, а?

Лицо Ньянгу оставалось спокойным, бесстрастным.

Полицейский, по-прежнему сладко ухмыляясь, врезал ему кулаком под дых. Иоситаро согнулся и, слегка развернувшись, чтобы упасть на плечо, повалился на мостовую. В падении он резко выпрямил ноги, целясь копу в икры. Взвизгнув от боли и удивления, блюститель порядка обмяк. Его фонарик покатился по мостовой. Водороты светлых пятен пробежали по неокрашенному бетону фасадов.

Иоситаро рывком поднялся на колени и уже вставал на ноги, когда подключился другой полицейский. Ньянгу видел, как к его лицу стремительно приближается затянутый в перчатку кулак.

Потом – темнота.

– В данном случае, – заявила дама со свирепым лицом, – мы можем приступить к судебной процедуре без лишней следственной волокиты. – Она вновь посмотрела на один из трех мониторов, повернутых так, чтобы Иоситаро не мог видеть изображения. – Улики достаточно весомы, и назначенный вам адвокат сообщил, что ему трудно высказаться в вашу пользу.

Украшенное синяком лицо Ньянгу оставалось непроницаемым.

– Для ваших восемнадцати лет у вас впечатляющий «послужной список», – продолжала дама. – Похоже, Содружеству повезло с тем, что вы не дотянулись до этого оружия при задержании. – Она помолчала. – Стеф Иоситаро, что вы можете сказать в свое оправдание?

– Я давно не откликаюсь на это имя.

– Что ж, понимаю. Хорошо. Ньянгу Иоситаро?

– Не вижу смысла что-то говорить. Или нужно?

– Требую уважения к суду! – рявкнул массивного телосложения судебный пристав.

Судья дотронулась до сенсоров перед другим монитором.

– Внушительный список отвратительных деяний. Первое из них вы совершили в свои тринадцать. Ньянгу, как это объяснить? – Она словно размышляла вслух. – В семье у вас, по нашим данным, никаких проблем не было. Почему же вы встали на этот путь?

«А что может быть у них в файлах? Мать никуда не выходила, пока не пропали синяки. Папочка никогда не покупал синт в одном и том же месте, а иногда готовил собственный. Ну а Марита ни за что бы никому не рассказала о папочкиных визитах по ночам. Так с какой стати я должен был идти по какому-то другому пути?»

– Но к делу, – продолжила судья. – Что вы можете сказать в свое оправдание? Видите ли вы смягчающие вину обстоятельства? Пункты обвинения достаточно тяжелые, даже если не принимать во внимание попытку ограбления магазина Ван Клифа вместе с вашими бандитами-приятелями. Насколько я понимаю, вы называете свое преступное сообщество «кликлой»?

«Ничего ты не понимаешь».

– Учитывая ваш юный возраст, – дама перешла на официальный тон, – я могу предложить вам две возможности. Первая из них, конечно, – кондиционирование.

«Кондуит? До самой смерти слушать, как чужой голос распоряжается у тебя в голове? Не плюй на тротуар, Иоситаро! Никакой выпивки! Никаких наркотиков! Трудись не покладая рук, Иоситаро! Не говори ничего против Содружества! Отвечай на все вопросы полиции! Гарантированное трудоустройство: это когда тоскливо считаешь чужие монеты, а из страха перед этим голосом, затаившимся внутри, даже мысли не допускаешь насыпать пригоршню в собственный карман. Нет уж, дудки».

– Вторая ваша возможность – «Дорога Жизни». Жизнь на астероиде для заключенных вряд ли окажется труднее, чем в этом Праймпорте. У вас есть полчаса, чтобы принять решение, – сообщила дама. – Пристав, проводите этого человека в камеру.

Чиновник подошел к Ньянгу, но тот уже поднялся на ноги:

– Я знаю дорогу.

– Одну секунду!

Судья смотрела на третий монитор.

– Я вспомнила, есть еще одна возможность. Несколько дней назад к нам пришла заявка. Хотя, уверена, от этого варианта вы откажетесь сразу.

Глава 2

Капема/Центрум

Альбан Корфи, заведующий сектором «Илис» в Снабжении Развивающихся Звезд, был человеком осторожным. Он дважды прочитал служебное письмо, прежде чем поднять взгляд и утвердительно кивнуть своему непосредственному начальнику, Пандуру Мегаварне – директору Снабжения.

– Действительно, очень странно, сэр, – подтвердил Корфи. – Это ведь какой по счету?.. Тридцатый запрос за текущий земной год. Этому «Ударному корпусу быстрого реагирования», – названо не без претензии, однако, – не терпится, чтобы в их дыру на краю Вселенной пошли подкрепления и техника.

– Если быть точным, это их тридцать четвертый запрос, – поправил Мегаварна.

– Вам лучше знать, сэр. Но все предыдущие не были удовлетворены, то как несрочные, то за нехваткой оборудования, то из-за неправильного оформления документов и по похожим причинам. Так почему же этому, тридцать четвертому, не только дали ход, но и присвоили бета-приоритет?

– Точный вопрос, Корфи. Тот самый, на который и я везде искал ответ. Но безуспешно. Похоже, лидеры Конфедерации упражняются в самодурстве.

– Безусловно, сэр, – согласился Корфи, вновь открывая

файл. – Давайте же взглянем на те конкретные предметы, которые, как считают наши славные пионеры космоса, Конфедерация горит желанием им отправить. Как будто неизвестно, что наши возможности уже давно ниже всякой критики.

«Шесть пи-кораблей класса „Нирвана“ с полным боевым обеспечением...» Ну, это после дождичка в четверг. Все «Нирваны» без исключения уходят в антиповстанческие войска прямо с конвейера. Альфа-приоритет.

«Тридцать пять тяжелых транспортов, способных поднять десять и более килотонн груза и перенести на тысячу и более километров». Кажется, у нас есть несколько подлатанных кораблей. Можно отдать.

Разные штурмовики, аэротанки и прочее. За гранью возможного, но похоже, из-за этого замечательного бета-приоритета нам придется напрячься и найти хоть что-то.

Всякие мелкие машинки, оружие... Не проблема, не проблема...

«Двадцать ударных кораблей нана-класса»? Интересно, откуда им в этой глухомани известно, что такое существует? Корабли нана-класса! Они ведь даже флотом официально еще не утверждены! Хоть бета-приоритет, хоть пьяный кордебалет, но зачем нам вообще нужно...

– Взгляните-ка на файл, – велел Мегаварна. Корфи последовал приказу, и тут же его брови удивленно приподнялись. На документе стояла пометка мелким зеленым шрифтом: «Одобряю. Р. Е.».

– Ну-у, – протянул Корфи в досаде на свою невнимательность. – Выходит, я поспешил с выводами. Но раз он это одобрил, ему за это и отвечать. – Корфи презрительно фыркнул, демонстрируя, что роль козла отпущения он исполнять не намерен.

– «Семьсот пятьдесят обученных солдат», – продолжил он. – Солдат-то они получают. Бог свидетель, этого добра у нас хватает. Поскрести по трущобам – вот тебе и тысяча-другая. Но обученных?.. Он что, не в курсе, что мы живем в мирное время?

Мегаварна снял с лица произвольную улыбку и поинтересовался:

– Что с доставкой груза?

– У меня есть «Мальверн». Корабль вот-вот выйдет из ремонта. Топливо он, конечно, расходует безжалостно, но зато можно обойтись базовым экипажем и не слишком... Да-да, «Мальверн». Времени на подготовку рейса у нас один цикл, от силы – два. Стартуем, как только получим добро на эти чудо-«наны».

– Идет, – одобрил Мегаварна. – Я знал, что могу на вас положиться. – Он встал. – Честно говоря, когда ваш ассистент сказал, что вас еще нет на месте, я встревожился. Вы ведь живете как раз за Бошемом?

– Я не решился ехать домой вчера вечером, – сказал Корфи. – Пошел ночевать в клуб, так что беспорядки меня не коснулись.

– Чего они требуют на этот раз? – спросил Мегаварна. – Я, знаете, не очень слежу за политикой, когда она касается людей в штатском.

– Не знаю. Макарон или не макарон. Меньше макарон или макарон другой фабрики, – Корфи махнул рукой. – Какая разница?

– Действительно, никакой.

Корфи небрежно отдал честь и вышел из директорского кабинета. Он спустился на лифте на первый этаж, где его дожидались телохранители, и проехал полмили по слайдвэю до своего офиса.

Подобрать для «Мальверна» подходящий экипаж он решил через своего человека в агентстве «БуПерс». Что бы ни случилось, вряд ли служащий агентства по найму окажется под ударом. В транспортном управлении только законченный псих станет проверять, кто куда полетел и кто его туда послал.

Итак, послушная команда... И перед тем как отправить «Мальверн» в последний рейс через область Ларикс-Кура, надо придумать для него парочку неотложных вылетов. Тогда и комар носа не подточит.

Перед дверью своего кабинета Корфи сказал телохранителям, что в течение часа они не будут ему нужны. Войдя, он аккуратно повесил бронированную шинель на старинную настенную вешалку. Потом он открыл сейф, достал оттуда «трубочиста» и прозондировал помещение. В кабинете ни-

чего подозрительного не было, кроме двух хорошо знакомых жучков. Эти жучки уже давно кормили службу безопасности заранее записанной «жвачкой». Набрав видеокod своего ассистента, Корфи для виду отдал ему несколько распоряжений, проверяя «трубочистом» линию связи. Тоже ничего подозрительного. Он снова пробежал пальцами по сенсорам.

На экране возник маленький сад. Выгнувшись на синтетическом мху, на Корфи смотрела очень молодая женщина, почти девочка. Волосы натурального пепельного оттенка и полное отсутствие одежды.

– Привет, милый. – Голос оказался низким, грудным.

Корфи усмехнулся:

– А ты думала, это блокиратор монитора.

– У человека с таким именем нет моего номера. Я думала, ты сегодня не позвонишь, поедешь к жене.

– Я и собирался. Но когда вижу тебя, мне кажется, что проклятые бунтовщики опять помешают мне добраться до семейного гнезда.

– Какая жалость, – посочувствовала девушка. – Я приготовлюсь.

– Не просто приготовишься, – сказал Корфи. – Помнишь браслет, который ты разглядывала?

– У-у-у!

– Теперь он мне по карману.

Девушка взвизгнула от восторга.

– Я знал, что тебе понравится, – сказал Корфи.

– Очень-очень! Приезжай поскорее, и ты увидишь, как я счастлива, – она приоткрыла бедра и провела между ними пальчиком.

– Ладно, сейчас я занят, – ответил Корфи, чувствуя, что становится трудновато дышать. – Нужно пойти сделать кое-какие дела.

Девушка улыбнулась, экран погас. Корфи повременил минуту, чтобы успокоиться, и вернулся к сенсорам. Экран померцал и выдал ровный зеленый фон. Повторив ту же процедуру со вторым экраном, чиновник принялся набирать на третьем ряд букв и цифр, которые уже давно выучил наизусть. Сообщение придет на Ларикс, как следует погуляв по коммутационным узлам.

Набрав последнюю комбинацию, он оборвал связь и еще раз проверил, нет ли в помещении жучков.

Альбан Корфи, чье состояние должно было приумножиться, еще был очень осторожным человеком.

Глава 3

Альтаир/Клешира/Долина Радости

Мик Керле, по воинскому званию – твег, пребывал в мрачном расположении духа – его окружало совершенство. Небо сияло бездонной синевой. С этими стайками облаков оно не утратило бы очарования, будь оно даже красным. Легкий весенний ветерок заносил в распахнутую дверь запахи цветов, свежескошенного сена и, неожиданно, женских духов.

Он услышал вдалеке звонкий смех этой женщины и тяжело вздохнул.

Вокруг царит природная идиллия, а он, Мик Керле, должен набирать рекрутов в армию Конфедерации. А чего ради кто-то будет вербоваться? Чтобы валяться в грязи на какой-нибудь богом забытой планете, население которой из всех сил старается сделать тебя трупом? И ради этого надо оставить мир, где у каждого есть свое место под солнцем, и, что гораздо печальнее, тебя это место устраивает? Оставить мир пышных смеющихся женщин и сильных, уравновешенных мужчин?

Таких, как этот дурачок, который разглядывает через окно завлекательные сценки, смонтированные в офисе Керле. Слева – девица-твег в укороченной юбке, преподающая двадцати солдатам курс неколебимой уверенности в себе. Справа – перед нерушимым парадным строем своей сотни сент

получает орден из рук своего коуда. В центре – три страйкера углубленно постигают нечто из области квантовой физики. Поглазеет парень на эти маленькие манекены, расхохочется и пойдет себе выращивать свой турнепс, или что он там выращивает.

Приглядевшись к аборигену, Керле чуть не застонал. Высокий, почти в два метра. Хорошо сложен. Мускулы что надо. Блондин. Образцовый экземпляр homo sapiens. Через пару-тройку лет превратится в статного красавца, за которым солдаты пойдут куда угодно. Вот с него бы лепить манекен – модель «сырая мощь земли»!

«Не уходи, парень! – пронеслось в голове. – Давай открывай дверь и заходи. Помоги несчастному усталому твегу выполнить план по пушечному мясу».

Тут у Керле глаза полезли на лоб. Парень открыл дверь и вошел.

Вербовщик поднялся ему навстречу с хорошо отрепетированной широкой товарищеской улыбкой на лице. В голове неотвязно крутилась мысль: парень, видно, только что сбежал из ближайшей больницы для неизлечимых кретинов.

– День добрый! Как жизнь молодая?

– Добрый, – ответил вошедший. – Я, наверно, запишусь.

– Тогда ты пришел куда надо, – поддержал Керле. – И если в самом деле вступишь в наши ряды, никогда об этом не пожалеешь. Такие люди нужны Конфедерации, и когда-нибудь ты будешь гордиться, что служишь своему правительству.

– Вообще-то, я просто люблю путешествовать.

– Тогда Конфедерация для тебя – лучшее турбюро. Я служу всего десять лет, но успел побывать по меньшей мере в двадцати звездных системах. За первые четыре года я дослужился до твега, а по следующему приказу о повышении стану старшим твегом, – заверил Керле. – Но не обязательно служить так долго. Стандартный контракт предусматривает четыре земных года.

– Ловко придумано, – похвалил Гарвин Янсма. – Каждый успеет разобраться, нравится ему служба или нет.

– Ты уже знаешь род войск, в которых хотел бы служить, или специальность, которую хотел бы получить?

– Не хотелось бы сидеть взаперти. Обычно я, когда есть возможность, гуляю на воздухе. А это что такое? – Молодой человек ткнул пальцем в модель штурмовика. Керле взял модель в руки.

– Это «грирсон». Используется в частях усиленной пехоты. «Грирсон» – это базовый штурмовой аппарат, «боевая машина пилотируемая», сокращенно – БМП. Может перевозить два отряда десантников. Пулеметы – здесь и здесь. Вот тут – ракетная установка. Вообще, у него до черта модификаций. Сверхнадежная техника. Сдвоенные антигравы под этой частью корпуса позволяют подниматься на высоту около тысячи метров. Как правило, мы используем «грирсоны» в патрульной службе и в наступлении. При массивной атаке они идут под прикрытием тяжелых аэротанков, обычно

вот таких «жуковых», – Керле ткнул пальцем в другую модель. – Ну и не поодиночке, конечно. Из «грирсона» можно сделать даже внутрисистемный космический корабль. Уже через год, а то и меньше, ты мог бы стать командиром такого штурмовика. Конфедерация доверит тебе пять миллионов кредита, не говоря уже о подлинных ценностях – о жизнях двадцати людей. На какой другой работе ты в свои годы сможешь примерить на себя такую ответственность? – Весь этот пафос, кажется, впечатлил и самого Керле.

– Мне это подходит, – сказал Янсма.

– Но сначала нам надо выяснить пару обстоятельств. – В предчувствии неприятного оборота дел в начищенных до блеска ботинках вербовщика непроизвольно зашевелились пальцы ног. – Ты посоветовался с родителями?

– Они не возражают, – ответил Янсма. – Согласятся со всем, что я выберу. Да и вообще, мне уже восемнадцать, так что решение принимать мне.

– Наверно, это будет первое большое решение в твоей жизни, – поддержал его Керле. – И еще один вопрос. Надеюсь, у тебя не было проблем с властями?

– Никаких, – ответ прозвучал мгновенно.

– Точно? Ни у кого не брал машину покататься без спросу? В драках не участвовал? Ни с бутылкой, ни с косяком тебя не ловили? Если какая-то ерунда, мелкое хулиганство, то обычно это не мешает.

– Да вообще ничего такого, – просто и искренне улыбнул-

ся молодой человек.

Глава 4

Капелла/Центрум

Люди двойной цепочкой медленно приближались к сходам «Мальверна». Рядом с нависшей над ними громадой они казались муравьями. Гарвин Янсма, задрав голову, засмотрелся на корабль.

– Эй, червяк навозный, очнись! – рявкнул человек с нашивками финфа. – Очень нужно Конфедерации, чтобы ты свернул себе шею еще до того, как увидишь оружие.

– Отличный совет, сержант, – раздался голос впереди Гарвина. – Особенно в устах такого космического волка, как ты. Снимаю шляпу перед твоими орденами.

Сержант вспыхнул. На его форме было столько же наград, сколько волос на его гладко выбритом черепе.

– Молчать!

Вместо ответа рекрут обрушил на финфа такой взгляд, что тот попятился как от удара.

– Продолжать посадку! – твякнул сержант и исчез. Виновник его бегства был человеком крупным. Не толстым, а очень плотным, крепко сбитым, высоким. На вид ему было чуть больше тридцати. Редяющие темные волосы свисали на лицо, застывшее в мрачной меланхолии, похоже, навсегда. По щеке спускался шрам, утончаясь и исчезая где-то посередине массивной шеи. Одет он был в рабочие брюки исси-

ня-черного цвета и зеленую гимнастерку, за которую, судя по всему, когда-то было немало заплачено. На ногах давно нечищенные полуботинки. У его ног болтался небольшой, плотно набитый рюкзак, на котором по трафарету была выведена армейская надпись: «Кипчак Петр». Скользнув взглядом по Янсме и его соседу, Кипчак с усмешкой отвернулся.

– Хотел бы я так уметь, – тихо заметил Гарвину его сосед.

– Что уметь?

– Да уничтожать их взглядом, как этот, со шрамом. По сравнению с бластером так дешевле. И полиция не придется.

Гарвин вскинул руку ладонью кверху. Его сосед повторил жест приветствия.

– Гарвин Янсма.

– Ньянгу Иоситаро.

Гарвин пригляделся к новому знакомому. Его ровесник, и такого же высокого роста. Смуглый, коротко стриженные черные волосы, азиатские черты лица. Темно-серые брюки, ветровка без воротника и выглядывающая из-под нее светло-зеленая рубашка, – все очень дешевое и с чужого плеча. Он был похож на насторожившуюся лису или хунсмеера. Гарвин спросил:

– Ты не слышал, куда мы летим?

– Нет, конечно, – ответил Ньянгу. – Объяснять что-то таким, как мы, без крайней необходимости – ниже их достоинства. А крайняя необходимость наступит, я думаю, не рань-

ше, чем мы доберемся до места.

– А как у тебя с боевой подготовкой? – спросил Янсма. – Я записался в бронетанковые части, но до сих пор только сортиры драил.

Тут обернулся Кипчак:

– И больше тебе ничего делать не дадут, пока не попадешь в свое подразделение. Конфедерация ввела новый порядок. Вас, салаг, везут сразу в действующие части и прямо там на-таскивают.

– Но по холо все показывают иначе, – сказал Ньянгу.

– Еще бы не иначе! Конфедерация дышит на ладан, и у них больше нет ни времени, ни денег рассчитывать каждую мелочь, как раньше.

– Дышит на ладан? – Гарвин не поверил своим ушам. – Да иди ты!

В своей бродячей жизни Гарвину случалось попадать в переделки, но чтобы что-то угрожало самой Конфедерации? Уж лучше бы сказал, что завтра погаснут звезды или что сегодня не обязательно наступит ночь. Конфедерация существует уже больше тысячи лет и никуда не денется еще через десять тысяч.

– Я знаю, что говорю, – ответил Кипчак. – Она разваливается. Ты не замечаешь этого потому, что находишься в центре событий. Ведь муравей не замечает, что кто-то собирается залить кипятком его муравейник. А уигор не понимает, чего хочет живодер.

Обоим новобранцам эти иносказания были непонятны. Кипчак продолжал:

– А из-за чего, по-вашему, происходят все эти беспорядки?

– Какие беспорядки?

– Вы что? Пока в бараках давили клопа, ни разу не смотрели холо?

– Э-э... Нет, – ответил Иоситаро. – Мне новости до лампочки.

– Ну и зря, – возразил Кипчак. – В хорошем холо-репортаже иногда бывают неизвестные вещи о глубине выгребной ямы, в которой тебе предстоит купаться. Может, успеешь запастьись болотными сапогами.

Так вот. Люди везде возмущаются, выходят на улицы, бьют витрины и так далее. Потому что им чего-то не хватает. Например, Центрум – административный центр высочайшего класса, и здесь никому не интересно выращивать огурцы. Или вообще хоть что-то производить. Поэтому абсолютно все, от пирожных до подтирки, привозят с других планет. А когда система начинает давать сбои, то обед не всегда приезжает вовремя.

Когда ты не можешь позволить себе яичницу с беконом, то очень трудно согласиться, что ты живешь на «величайшей планете во всей Вселенной», как об этом твердят по холо.

– И откуда ты все знаешь? – с легким сарказмом поинтересовался Иоситаро и тут же испытал на себе тяжесть того

взгляда, от которого с позором бежал финф. Но, в отличие от сержанта, Ньянгу не отвел глаза. Кипчаку пришлось убрать с лица жуткую гримасу.

– А оттуда, что мне, в отличие от некоторых, не всё до лампочки, – парировал он. – Иногда бывает просто необходимо пошевелить мозгами. Кстати, я мог бы тебе сказать, куда мы летим, как называется часть, в которой мы будем служить, и как выглядит физическая и политическая карта планетной системы, где мы окажемся. Мог бы, если б захотел. Но не очень хочу.

Похоже, он мог бы еще много чего сказать, но перед ними уже оказались сходни «Мальверна».

– Назовите ваше имя и планетную систему, – монотонно прогудел синтетический голос.

– Петр Кипчак, – громыхнул рекрут. – Центрум, когда он меня не достает.

– Ответ принят, – сказал автомат. – Шестнадцатый отсек, любая койка. Следующий.

И огромный «Мальверн» поглотил их.

Отсек был настолько большой, что противоположная от двери стена терялась в полумраке. Его заполняли бесконечные ряды четырехэтажных коек с рундуками для личных вещей внизу. Как и весь корабль, отсек сверкал белизной, и в нем пахло свежей краской. Краской, но в то же время и пылью, как будто «Мальверн» был огромной антикварной вещью.

Кто-то из экипажа, человек с изможденным лицом, распорядился, чтобы рекруты пристегнулись к своим койкам и ждали взлета.

Через некоторое время «Мальверн» ожил. Палубы завибрировали в ответ на низкое гудение двигателей. Из вмонтированного в переборку громкоговорителя донеслось: «Приготовиться!». Гул двигателей нарастал. И когда корабль дернуло, с этим гулом слилась каждая косточка тела...

– Мы в космосе? – спросил Ньянгу.

– Думаю, что да, но...

Гарвина перебил громкоговоритель словами: «Приготовиться к скачку». Через несколько мгновений они почувствовали дурноту и головокружение. Корабль погружался в гиперпространство.

Когда самочувствие пришло в норму, они стали ждать других сюрпризов. Однако – и это характерная черта любых космических полетов, – не произошло решительно ничего.

– Пойдем осмотрим местные достопримечательности. Если таковые имеются, – предложил Гарвин, отстегиваясь от койки.

– А я-то надеялся побывать в невесомости, – с разочарованием сказал Ньянгу.

– Слава богу, что этого не случилось, – ответил Гарвин. – Иначе бы кое-что выпорхнуло из желудков наших товарищей, а меня совсем не устраивает перспектива летать со шваброй за вонючими комками.

– Как?! Вам уже приходилось бывать в космосе? – Ньянгу манерно поджал губы, пародируя героиню мыльной оперы.

Гарвин усмехнулся, пожал плечами и направился к выходу из отсека.

Смотреть, правда, было особенно не на что. Одинаковые жилые отсеки, пустынные прогулочные палубы, длинные коридоры, похожие друг на друга. Нигде, даже на внешних палубах, не было иллюминаторов. Один раз им попался какой-то темный экран, но для чего он и как работает, ни Гарвин, ни Ньянгу понять не могли.

Ньянгу остановился у отсека, в который вел люк с надписью «Библиотека».

– Пойдем-ка пошевелим мозгами, как нам присоветовал этот головорез.

Вдоль стен стояли низкие столы. На них с регулярными интервалами – экраны и клавиатуры. Ньянгу уселся перед одним из экранов и нажал какую-то клавишу. «ВВЕДИТЕ ЗАПРОС» – высветилось на экране.

– О чем спросим?

– Попробуй... э-э... пункт назначения, – предложил Янсма.

Иоситаро пощелкал кнопками.

«ЭТОТ ЗАПРОС УДОВЛЕТВОРЯТЬ НЕ РАЗРЕШАЕТСЯ. ПОПРОБУЙТЕ ВВЕСТИ ДРУГОЙ».

– Может, тогда про то, о чем мы говорили? Проверим то, что поведал нам человек со шрамом о массовых беспоряд-

ках.

– О'кей.

По экрану поползла строчка: «БУДЕТ КРОВЯНКА, ПРОРОЧАТ БРАХМАНЫ КОНФЫ».

– Это еще что такое?

За первым – другие сообщения: «ММУНЯКИ БОШЕМА: БАСТА», «ТУЗЕМНЫЕ БЛУИ ШИНКУЮТ ВУНКОВ, 32 ТРУПА, 170 РАН».

– Сдается мне, я плохо учил конфедеративный язык, – сказал Ньянгу.

– Может, у писак свой диалект? – предположил Гарвин.

Наконец с экрана им улыбнулась весьма соблазнительная и совершенно неодетая молодая особа. Текст под ней гласил: «ПРОККИ ГРИТ, НИКДА НЕ БОИСЬ, ВСИДА КУРАЖЬСЯ».

– Тменно крута млышка Прокки, – заявил Гарвин. – Как бы я с ней упкуражился!

– Интересно, там, куда мы летим, есть хоть что-нибудь похожее на нее? – спросил Иоситаро.

– Если и есть, то только для офицеров, – ответил Гарвин. – Черт с ней. Может, отложим шевеление мозгами до лучших времен?

Мимо библиотеки быстрым шагом шел офицер из команды «Мальверна». Он заметил их:

– Эй, вы двое!

Они застыли на месте.

– Почему не в своем отсеке?

– Разве кто-нибудь говорил, что нельзя... – начал было Янсма.

– А разве кто-то говорил, что можно? – отрезал офицер. – В общем, мне как раз нужны два разносчика в столовую. Пошли.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и пошел по коридору обратно, уверенный, что они последуют за ним. Переглянувшись, Ньянгу и Гарвин решили подчиниться.

– Что за порядки? – не понял Янсма. – Здесь что, запрещается дышать без приказа?

– Видно, нам придется шевелить мозгами, – ухмыльнулся Ньянгу.

На корабле шли уже третьи условные сутки, когда им выдали форму и приказали уложить штатскую одежду на дно рюкзака. Форма была странная: ботинки на мягкой подошве с ремешками на щиколотках вместо шнурков, серые брюки, серая гимнастерка. И никаких знаков различия – ни тебе погон, ни нашивок, ни даже бирки с именем и фамилией.

– Мы похожи на долбаных арестантов, – сказал Гарвин.

– Не похожи, – возразил Ньянгу. – Арестанты ходят в красном.

– Благодарю, что помогаешь шевелить мозгами, сэр!

– К вашим услугам!

– Кстати, – осторожно начал Гарвин, – твоя штатская одежда, ну...

– Ну, что? – Интонация Иоситаро не поощряла дальнейших расспросов.

– Ну... Э-э... Ты не похож на парня, который стал бы такое носить.

– Ну и на кого я похож?

– На человека, который привык одеваться более респектабельно.

– Да. Действительно, я привык. Но сейчас у меня не было выбора. Экипировку для этого путешествия мне купили другие люди, – сказал Ньянгу. Взглянув на его лицо, Гарвин не решился продолжать расспросы.

Распорядок дня на корабле был простой: очередь в столовой, прием пищи, физические упражнения, опять очередь в столовой, прием пищи, поиски компаньонов для игры или болтовни, очередь в столовой, прием пищи, сон... Так один день за другим превращался в труху.

Петр Кипчак жил в их отсеке, в дальнем конце, но не спешил заводить новых друзей. Когда он не поднимал тяжести в спортзале, то сидел на своей койке и читал диск, ничего не замечая вокруг.

– Сдается мне, – ворчал Ньянгу, – что этот обычай принимать душ вместе с дамами – это как-то слишком.

– Почему?

– Возникают довольно опасные мысли.

– Не-а, – сказал Гарвин. – Не беспокойся. Нам что-то подмешивают в еду, чтобы ничего такого не случилось.

– Да, пожалуй, ты прав, – согласился Иоситаро. – С тех пор как мы погрузились в этот корабль, у меня ни разу не вставал!

– Теперь ты знаешь почему. Слушайся дядюшку Гарвина, и ты всегда будешь в курсе событий!

– Вы мне не поверите! – задыхаясь от изумления, сказала девица-рекрут по имени Май. – Арабский бог с погремушкой!

– Что случилось? – Гарвин и Ньижу одновременно скатились с коек.

– Пошли. Это надо видеть.

Май повела их в направлении санузла, где перед отбоем густо столпились рекруты обоего пола. Она показала на одну из душевых кабинок, где могла бы поместиться дюжина людей. Сейчас ее занимал лишь один – Петр Кипчак, абсолютно безразличный ко всеобщему вниманию.

Гарвин уже собирался спросить, что тут такого особенного, но...

Одной из тех огромных щеток с жестким синтетическим ворсом, которыми чистят кафель, Кипчак деловито тер свои гениталии и при этом орал какую-то песню, не попадая в ноты.

– Боги небесные! – вырвалось у Гарвина. Им пришлось отпрыгнуть назад, потому что Кипчак повернул голову в их направлении.

– Что это за чертовщина? Этот ублюдок – псих! – крик-

нула Май.

Ньянгу готов был согласиться, но остановился. Он еще раз заглянул в кабину и увидел на жестком лице варвара нечто похожее на улыбку. Он все понял. «Не самый плохой способ отбить у всех охоту приставать к тебе с глупостями», – подумал Ньянгу, но оставил свою догадку при себе.

Гарвина разбудили тихие двойные звоночки. Он уже знал, что это склянки, сообщающие время команде «Мальверна». Корабль находился в ночном цикле, и в отсеке стоял разноголосый храп. Кто-то посапывал, кто-то храпел от души. В темноте выделялись лишь тусклые красные огни ночников, укрепленных на переборках, а в дальнем конце отсека из санузла сочился яркий белый свет.

Не вполне проснувшись, Гарвин понял, что хочет пить, и на цыпочках поплелся в санузел. Там сидела компания из четверых мужчин и двух женщин. Одна из женщин охраняла проем входного люка. Остальные пятеро, в их числе Петр Кипчак, кто сидя, кто на корточках рядом, расположились на двух одеялах, расстеленных на полу из ребристого пластика. Новобранцев здесь не было.

На одеялах валялись карты и деньги. Рядом с Кипчаком – всего несколько купюр и монетки, а вот перед дилером громоздилась внушительная кипа разношерстных банкнот происхождения из дюжины звездных систем.

Все пятеро покосились на Гарвина. Он не выказал к игре никакого интереса и направился прямиком к писсуарам.

Краем глаза он наблюдал за игрой, и на какое-то мгновение в глазах его вспыхнули огоньки. Но тут же огоньки погасли, и его лицо приняло прежнее выражение спокойной добродетельности.

Глотнув напоследок воды из-под крана, Гарвин повернулся и подошел к одеялам. Дилер, плотный лысеющий мужчина, поднял на него взгляд:

– Иди-ка ты спать, сынок. У нас тут игра не детская.

– Что, выигрывать у школьников деньги на завтраки не позволяет совесть? – спросил Гарвин.

Дилер неодобрительно поцокал языком, но вдруг расплылся в улыбке, точнее – в довольно отвратительном оскале. Рассеянно покручивая туда-сюда массивное серебряное кольцо на пальце левой руки, он оценивающе взглянул на Янсму и сказал:

– Хочешь проиграть нижнее белье? Твое дело. Я не возражаю. Кто-нибудь против?

Кипчак как будто хотел что-то сказать, но только помотал головой. Остальные тоже покивали или пожали плечами.

– Ставки не ограничены, – сказал дилер, – так что крепче держись в седле, ковбой! И не распускать нюни, когда мы тебя обчистим. Иди, доставай свою заначку.

Гарвин отправился к своей койке, набрал цифры на замке небольшого вещмешка, достал пару носков. В носках оказался плотный рулон из банкнот. Гарвин поспешно оделся, с особой тщательностью проверив, хорошо ли застегнуты рем-

ни на ботинках.

Тут обнаружилось, что Ньянгу тоже не спит.

– Что происходит? – поинтересовался он.

– В санузле играют. Думаю присоединиться.

– Не знал, что ты игрок.

– Я и не игрок. – Гарвин помедлил. – Но парень, затеявший игру, тоже не игрок. Он фокусник.

Ньянгу сел на койке:

– И что ты собираешься делать в этой ситуации?

– Выиграть немного денег.

– Смотри, осторожно!

– Я всегда... – Янсма замолчал на полуслове. Немного подумал. – Хочешь поучаствовать в представлении?

– Я не играю в карты.

– Тебе и не придется. Слушай, у меня только что родилась потрясающая идея. Всем будет очень весело.

Гарвин заговорил очень тихо и быстро. Ньянгу сначала хмурился, но потом усмехнулся.

– Один вопрос, – сказал он. – Зачем мы это делаем? Ведь это грозит неприятностями.

– Ты сам ответил на свой вопрос. Мы любим неприятности.

– Пожалуй, – ответил Иоситаро. – Да, ты прав. Договорились.

Янсма отделил от своего рулона несколько банкнот:

– На. Твой выход – через пятнадцать минут.

Гарвин расправил в руке пять карт, внимательно посмотрел на них. Ни хорошо, ни плохо. Он играл четвертый кон. В двух раздачах он пасовал, в третьей поднял ставку и проиграл.

– Для начала – по десять кредитов, – сказала женщина, швырнув банкноту в центр одеяла.

Гарвин бросил на кон пару монет. Туда же легли и другие бумажки. Все, включая Кипчака, остались в игре.

– Ну давай, сынок, – сказал дилер. – Я тебя сделаю.

– Меняю одну, – ответил Янсма, снося карту и взяв другую из прикупа в пять карт. Дилер тут же пополнил прикуп из колоды в своих руках.

– Не подошла, – вздохнул Гарвин и бросил карты. Без него ставки поднимались еще два круга, пока наконец Кипчак не сорвал небольшой куш.

Дилер тасовал колоду, когда в помещение проскользнул Иоситаро.

– Хей, Кипчак! – сказал Ньянгу. – Могу отдать долг. Вчера выиграл в кости.

Уставясь на Ньянгу, Петр поморгал, хотел что-то сказать. Иоситаро слегка повел головой вверх-вниз.

– А! Ну да! – Кипчак поднялся с места. – Я сейчас вернусь!

– Деньги у меня в рюкзаке, – сказал Ньянгу, и они вышли вдвоем.

Сыграли еще один кон. Выиграл дилер.

Вернулись Петр и Ньянгу. По лицу Кипчака проходили штормовые волны, но постепенно он успокоился и сел играть. Ньянгу растянулся вдоль переборки, неподалеку от женщины на стреме. Этаким мучающийся бессонницей прилипала.

Игра шла еще около часа. Гарвин заметил, как один из игроков облизывает губы, когда блефует, и как женщина рассеянно дергает себя за прядь волос, если у нее хорошие карты. Заметил он предательские жесты и у других игроков. Но главное внимание – на дилера. Удача улыбалась то одному, то другому, но деньги медленно, но неуклонно перетекали к толстяку с кольцом на пальце. После часа игры Гарвин выпрямил ноги и задел Кипчака.

– Прошу прощения, – сказал он.

Петр не ответил и только через несколько секунд буркнул:

– Хорошо бы по коктейлю. Такой проигрыш, как у меня сегодня, легче перенести, если ты не слишком трезвый.

Сдающий собрал карты, принялся быстро их тасовать.

– Не возражаешь, если я сниму? – спросил Янсма.

– Нет, – сразу согласился дилер, – имеешь полное право.

– Попролам – к слезам, слегка взяться – смеяться, – проворчал кто-то.

Гарвин взял колоду в руку и легонько сдвинул. Дилер пристально посмотрел на него, принял колоду. Быстро полетели карты. В санузле повисла глухая тишина, нарушаемая только негромким шумом кондиционеров и пощелкиванием карт –

звучком немного более отчетливым, чем обычно.

Дилер посмотрел в свои карты. Его губы дрогнули.

– Похоже, этот кон будет дорого стоить, – объявил он и зашуршал деньгами. – Сотня, чтобы просто посмотреть, не блефую ли я.

– Я в игре, – сказал Кипчак и поставил на кон почти все свои деньги.

– Я тоже, – поддержал Гарвин.

Еще два игрока остались в игре, двое пасовали.

– Меняю две, – сказал Янсма и, сбросив карты, взял две из прикупа. Когда он рассмотрел новые, в его лице ничто не изменилось.

– Дилер меняет одну.

– Я играю своими, – ответил Кипчак и не стал менять карты.

Женщина поменяла две, последний игрок – три.

– Ставлю еще сотню, – объявил дилер. Женщина пасовала, последний игрок повысил ставку.

– Надеюсь, мне повезет, – сказал Янсма, – Две сотни сверху.

– Поднимаю еще на сто, – ответил Петр.

– Дорогая игра, как я и говорил, – сказал дилер. – А потом – уже поздновато. Не хочу портить цвет лица недосыпанием. – Он пересчитал деньги. – Поднимаю на пять... на шесть сотен.

– Сейчас школьник свалит дурака, – объявил Гарвин и

подбросил на кон еще несколько банкнот. – Еще две сотни.

– Я пустой, – признался Петр.

– Нет проблем, – вступил Ньянгу, отходя от переборки и вытаскивая деньги из кармана. – Играй спокойно, у тебя надежный кредитор.

– Спасибо.

Дилер неприятно захихикал:

– По-моему, мне будут сниться очень-очень приятные сны. – Он выложил на стол свои карты. Все пять карт были одной масти.

– Наверно, вопросов не будет, – и он потянулся за деньгами. – По порядку, старшая карта – регент.

– Вопросы есть! – И Петр по одной выложил карты на одеяло. – Властитель... властитель... властитель... властитель... и пятая – мутант.

У дилера расширились зрачки:

– Да вы!.. – И он сунул руку в задний карман.

– Рьюб! – крикнул Гарвин, вскакивая на ноги. Коротко сверкнув сталью, над одеялом просвистело узкое лезвие ножа и засело в предплечье у дилера. Он взвизгнул, хлынула кровь.

Женщина, стоявшая в дверях, двинулась в сторону игроков с откуда-то взявшимся обрезком железной трубы в руках. Ньянгу подскочил к ней сбоку и ударил в висок тыльной стороной ладони. Качнувшись вперед, она споткнулась об одного из сидящих, упала и больше не двигалась.

В дело собрался было вступить еще один, но Гарвин врезал ему кулаком в солнечное сплетение, потом ребром ладони ударил по затылку, и тот свалился.

Дилер уставился на свою кровотокающую руку, на нож, застрявший рядом с локтем. Петр выдернул клинок, и толстяк опять заверещал.

Остальные игроки сидели неподвижно, скрестив на груди руки с растопыренными пальцами.

Иоситаро бросил взгляд в барак.

– Никто ничего не слышал, – сообщил он. Петр тщательно вытер нож и спрятал его.

– Не люблю мошенников, – сказал он дилеру. – Ради твоей же пользы стоило бы перерезать тебе сухожилия. Играй в свои карты с чертями.

Дилер застонал и умоляюще посмотрел на Петра.

– Эй, народ, – спросил Петр. – Вы сегодня что-нибудь видели или рано легли спать?

Все дружно закивали: мол, спали, спали.

Охранница поднялась на колени, закашлялась, сблевала и поковыляла в сторону туалета. Парень, которого свалил Гарвин, оставался без движения.

– Ты его убил? – без особой озабоченности в голосе спросил Петр.

– Да нет, – сказал Янсма. – Через час очухается и будет чувствовать себя так же, как эта дама. Но все быстро пройдет.

– Отлично. Трибунал нам некстати, – сказал Петр и обратился к остальным: – Ребята, не пора ли вам по кроваткам?

Игроки поспешили к выходу.

Петр взял дилера за грудки и поставил на ноги:

– Сейчас ты пойдешь в медсанчасть и на все вопросы будешь отвечать, что ты поскользнулся и напоролся на задвижку люка. Ясно? Если ты скажешь что-нибудь другое, то, когда мы доберемся до D-Камбры, два свидетеля подтвердят, что ты лжешь. А после суда держи глаза на затылке. По моим наблюдениям, все люди с глазами на затылке через некоторое время становятся несколько нервными.

– Все в порядке, – пролепетал дилер. – Все было так, как ты сказал. Я клянусь. Клянусь.

– Отлично. Вот, возьми полотенце и иди поищи врача.

– Погоди-ка минутку, – сказал Гарвин. – Прежде чем, благословив, отпустить чад наших, нам надо преподать им урок. – Он говорил размеренно, нараспев. – Сей человек перед нами еще не ведает, как мы раскрыли его богомерзкое мошенничество. А такое знание может быть полезным для его бессмертной души.

– Ничего не говори этому ублюдку, – сказал Кипчак. – В следующий раз он учтет свои ошибки и облапошит других простофиль.

– Не надо беспокоиться, – пренебрежительно изрек Янсма. – Таким законченным негодьям впрок идет только самый последний урок. – И, выдержав паузу, он продолжил

проповедь: – Я обратил внимание на этого человека, когда услышал звук. Вы удивлены? Да, звук, – неспешно продолжал он. – Когда дилер сдает из-под полы – а это значит, что он сдает не верхнюю карту колоды, а следующую за ней, – то можно услышать указующее на грех шуршание. – Он собрал рассыпанные карты в колоду. – Внимайте, и вы тоже достигнете просветления. Обратите внимание, вот так я держу эту колоду карт, и смотрите хорошенько: я придерживаю верхнюю карту на месте большим пальцем левой руки и выдерживаю следующую карту указательным и большим пальцами правой руки. При этом можно услышать вполне определенный звук, не так ли? Второй подсказкой для меня было отворотное серебряное кольцо на пальце у этого отброса общества. – Он схватил дилера за левую руку и стянул у него кольцо с пальца: – Обратите внимание, оно даже не подходит ему по размеру. Этот факт заставляет нас предположить, что перед отлетом он позаимствовал кольцо у такого же извращенца, как он сам. Я заметил, что он не только постоянно поворачивает кольцо на пальце, но и непрерывно полирует его. Так вот, удерживая колоду в правой руке и слегка согнув ее, приблизительно вот так, он немного отгибал уголок верхней карты, по отражению в кольце определял, нужна она ему или нет, и удерживал ее для себя, сдавая из-под полы. Охранница, конечно, была у него в доле, и этот тупица, которого я свалил, скорее всего тоже. А может быть, и нет, – безразлично сказал Янсма.

– Может, раздробить ему пальцы? – предложил Ньянгу.

– Мы, конечно, могли бы, – сказал Янсма, и дилер снова издал жалобный звук. – Поистине, он – угрюмый ублюдок, угнетенный унынием и ужасом. Но если я кое-что ему покажу, это может оказаться весьма эффективным. Слушай, ты. Ты думаешь, ты акула, да? Или другой какой-нибудь хищник? Но вот что ты должен хорошенько усвоить: в любом океане найдутся акулы и покрупнее. Гляди. Я беру колоду и тасую ее. Ты все видел, ты все слышал. Что-нибудь не так? Но смотри дальше. Я сдаю верхние пять карт. – Каждая карта вышла из колоды со щелчком. – Регент... регент... регент... регент... провокатор. Совсем неплохой набор. Но смотри, я снова тасую колоду. Теперь верхние пять карт такие: компаньон... компаньон... компаньон... компаньон и десятка. Эта комбинация получше. Признайся, с такой комбинацией в руках ты затеял бы крупную игру? Можешь не отвечать, но вот еще одна комбинация, которую я тебе сейчас нарисую. – Еще пять карт вышли из колоды, – Нова... нова... нова... нова... и как здесь опять оказался этот мутант? Я-то думал, он лежит вон в той кучке карт. Все понятно? Хотя, конечно, ничего тебе не понятно. – Янсма опять говорил своим обычным тоном. – Кипчак, он твой.

– Пшел отсюда! – рявкнул Петр. Подхватив набрякшее от крови полотенце, дилер вприпрыжку вылетел из отсека.

– Азартные игры когда-нибудь меня убьют, – сказал Кипчак. – Спасибо, я ваш должник.

– Нет проблем, – ответил Янсма.

– Зачем вы в это ввязались?

– Из-за глубокой, преданной любви к истине, справедливости и идеалам Конфедерации.

Ньянгу фыркнул.

– О'кей, – принял Кипчак. – Еще один вопрос. Сегодня вечером пролилось немного крови. Но я не заметил, чтобы кто-то из вас волновался. А большинство новобранцев, которых я видел в своей жизни, устроило бы из-за этого изрядный переполох.

Оба юноши ответили Кипчаку одинаково невинным выражением лиц.

– Черт бы вас драл. Вы, наверно, родные братья.

– Моя очередь спрашивать, – заявил Иоситаро. – Где ты научился ловить мошенников?

– Я читал об этом в какой-то книге, – ответил Янсма.

– И по этой же книге ты научился сдавать карты?

– Именно.

– А витиеватые речи? Ты говорил, как сумасшедший проповедник или чрево вещатель в цирке.

– Так я и есть проповедник, – сказал Гарвин. – Я записался в армию с тайной целью привести грешников в распростертые объятия Господа Свиные Уши.

– Никогда не слышал о таком.

– Потому я и стал миссионером. Дела нашей секты идут не слишком хорошо.

– Ты хоть когда-нибудь отвечаешь на вопросы честно? – с раздражением заметил Иоситаро. – Например, что это за Рьюб такой? Ты крикнул это, когда началась драка.

После непродолжительной тишины ответом ему был душевный раскатистый храп.

Следующим условным утром их подловил Петр.

– Вот, хочу поблагодарить вас, клоунов, – сказал он. – Если бы не вы, я проиграл бы этому хорьку все до последнего кредита.

– Да ладно тебе, – сказал Янсма. – Просто я не мог уснуть.

– Угу, – согласился Кипчак. – Все равно я ваш должник.

И, не дождавшись ответа, он ушел куда-то сквозь толпу.

– Ну, теперь этот дядя со шрамом толкует о долге чести, – сказал Гарвин. – Круто.

– Нечего язвить, – заметил Ньянгу. – Может быть, нам когда-нибудь понадобятся услуги человека, который, не моргнув, может перерезать кому-то глотку.

«Мальверн» вынырнул из гиперпространства, и главный компьютер корабля сверил курс. Корабль двигался в нужном направлении.

Спустя несколько минут звездолет вздрогнул и погрузился в предпоследний скачок на пути к системе Камбры.

– О'кей, – сказал Петр. – Мы летим на D-Камбру. Эта планета принадлежит Конфедерации. Она имеет автономное правительство – генерал-губернатор и что-то наподобие совета министров, с которым он может консультироваться.

Скорее всего, все они – негодяи из богатых семей.

– А в какую часть нас направляют?

– Численный состав – около десяти тысяч человек. Называется – Ударный корпус быстрого реагирования. – Петр пожал плечами. – Офицерам нравится такая помпа. Наш коуд – некто Уильямс. Никакой информации о нем я не нашел. Предполагаемая задача корпуса – миротворческая миссия.

– Миротворческая миссия против кого? – не понял Ньянгу.

– Здесь все запутано, – ответил Кипчак. – Поселение на D-Камбре возникло, чтобы добывать полезные ископаемые на соседней планете. По-моему, она называется С-Камбра. Те, кто машет кайлом в шахтах – по большей части потомки иммигрантов, называющие себя 'раум. – Петр гортанно булькнул первую согласную. – Пишется черт знает как в начале слова – в речи нормальных людей такого звука нет. Они появились на С-Камбре, как мне рассказывали, несколько сотен лет назад. Свято верили в то, что завоюют Вселенную. Вместо этого они «отбоят молотком», как они сами говорят. В шахтах работают самые фанатичные из них, вкалывая на более сообразительных пройдох, которые появились в системе немного раньше. Видно, некоторым из них такое положение не нравится, и они бегают вверх-вниз по холмистым джунглям и отстреливают всех, кто с ними не согласен. Думаю, что они будут одной из наших мишеней.

– А как мы будем отличать их от тех, кого мы защищаем? –

спросил Гарвин.

– Надеюсь, мы их ни с кем не спутаем, потому что они будут целиться в наши молодые задницы, – ответил Кипчак. – Говорят, что они темноволосые, меньше ростом, коренастее. Если верить тем, кто считает себя там высшей кастой, то у этих ребят полный набор вредных привычек тех людей, которым не очень повезло в жизни. Но они – не главное. Главное – полезные ископаемые добывают не только люди, но и мусфии.

– А это что такое? – спросил Ньянгу. – Меня никогда особенно не интересовали инопланетяне. Наверное, мне просто не попадался такой, у которого можно было бы что-нибудь украсть.

– Здоровые, высокие существа, – ответил Гарвин. – Я смотрел холопередачу про них. Выглядят как огромные кошки без шерсти, на двух ногах. У них, помнится, длинная шея и быстрая реакция. Не хотел бы я с ними воевать.

– Да, это они, – подтвердил Петр. – Говорят, что с ними нужно цацкаться, как с полковой шлюхой за день до выдачи денежного довольствия. Я с ними никогда дела не имел, но одному моему приятелю доводилось. Этот мой приятель рассказывал, что они заводятся с полтычка. Но это все, что я о них знаю.

– Можно тебя спросить кое о чем? – произнес Ньянгу.

– Я же сказал, что я ваш должник.

– Ты ведь уже служил?

– Ага. Иду служить, потом мне все это встает поперек горла – увольняюсь. На гражданке начинаю маяться от скуки – снова записываюсь... Наверно, пора мне уже выбрать одно из двух, – вздохнул Кипчак. – Пару раз я пытался пустить где-то корни, но не прижился. Может быть, на этот раз просто не буду увольняться.

– А в каком... Не знаю, как это правильно назвать... В каком роде войск ты обычно служишь? – спросил Иоситаро.

– По мне, стоит думать только об одном – «разведка и рекогносцировка». У нас это называется «понюхай и пощупай». Может быть, встречу там кого-нибудь из своих старых товарищей. РР – это тесный кружок, потому что большинство солдат считают нас отморозками и самоубийцами. Обычно ты действуешь сам по себе на свое усмотрение, или в очень маленькой команде. Так что, если сдохнешь, нарвавшись на засаду, будешь сам виноват. По-моему, это лучше, чем ползать по кровавому поносу, как обычный крекер, или сыпаться с неба горохом в мясорубку, как десантники. И все-таки шансов быть убитым не меньше. Если б у меня были мозги, я бы служил в снабжении или на полевой кухне. Похоже, мамаша Кипчак вырастила себе на голову круглого идиота.

– Эй, Ньянгу!

Иоситаро отложил в сторону диск, который читал. Перед ним стояла Май.

– В чем дело?

– Что-то случилось с цепью на моей койке, – сказала она. – Чертова хреновина перекрутилась, и я все время бьюсь об нее головой. Может, ты поможешь мне ее как-нибудь выпрямить?

– Конечно. – Ньянгу соскользнул с койки и последовал за миниатюрной рыжеволосой девушкой.

Петр и Гарвин сидели по-турецки на койке Кипчака. Между ними стояла небольшая магнитная шахматная доска. Проходя мимо, Ньянгу усмехнулся.

– М-м-м, – мычал Гарвин. – Белый ферзь берет черную ладью.

– Ты о чем? – спросил Кипчак. – Твоему ферзю вообще не видать моей ладьи!

– Не важно, забудь.

Ньянгу не понял, что его разбудило. Потребовалась минута, чтобы понять, где он находится. На койке, у стены, лежала Май, улыбаясь во сне. Ее рука покоилась между бедрами Иоситаро. В свете ночников ее волосы казались очень темными.

Они не удосужились сходить на ужин и заснули только тогда, когда исчерпали все свои силы.

Ньянгу почувствовал возбуждение, провел пальцем по всему ее телу сверху вниз, погладил по бедрам. Не просыпаясь, она перевернулась на спину.

Из громкоговорителя раздался трубный глас: «Тревога! Тревога! Всем занять свои места!»

Ньянгу, схватив в охапку свою одежду, выпрыгнул из койки.

Май сонно похлопала ресницами:

– Что происходит?

– Черт его знает! Но лучше, если мы пошевелимся.

Она поспешно оделась.

«Всем! Всем! Приготовиться! Сейчас ваш корабль будет взят на abordаж. Предупреждаем: никаких попыток сопротивления. Повторяю: никаких попыток сопротивления».

– Как ты думаешь, что происходит? – спросил Иоситаро.

Гарвин помотал головой.

– Мы все еще в гиперпространстве?

– Да.

– Разве кто-нибудь может... какой-нибудь другой корабль... настолько к нам приблизиться? – спросил Иоситаро.

Янсма снова помотал головой.

– В принципе, это возможно, если в гиперпространстве нас ждал какой-то буксирный корабль, – угрюмо сказал Кипчак. – Если они знают наш маршрут.

– Ну и что все это значит? – спросил Ньянгу.

– Ничего хорошего, – ответил Кипчак. – Особенно учитывая приказ не сопротивляться.

«Мальверн» вздрогнул.

– Кто-то идет с нами на стыковку, – заметил Кипчак. – Неплохой трюк в гиперпространстве. Черт! Это почти невозможно, если на нашем корабле нет предателя.

– А кому, собственно, мы не должны оказывать сопротивления? – не понимал Янсма. – Пиратам?

– Чушь, – сказал Петр. – Пиратов не существует.

– Тогда почему они приказывают не оказывать сопротивления, ведь мы... то есть Конфедерация ни с кем не воюет?

– Насколько мне известно, не воюет.

– Тогда что...

– Заткнись. Если бы я что-нибудь знал, я бы тебе сказал, – потерял терпение Кипчак.

Ожидание продолжалось почти час. Ночники медленно погасли, включилось дневное освещение.

«Всему личному составу! – объявил громкоговоритель. – Приготовиться к построению. Иметь при себе все личные вещи, подчиняться приказам людей, которые войдут в ваш отсек. В случае полного повиновения вам нечего бояться. Любая попытка сопротивления будет пресечена самыми крайними мерами».

Казарменный отсек наполнился гвалтом. Все спрашивали друг друга, но никто не мог ответить.

Неожиданно повисла тишина. Распахнулись люки в дальнем конце отсека. В барак вошли двое. На них были скафандры без шлемов, они держали наизготовку крупнокалиберные бластеры. Встав по обе стороны двери, они застыли. Вошел третий – высокий, гладко выбритый блондин. На нем был такой же темный скафандр без опознавательных знаков. С плеча на ремне свисал бластер.

– Все в порядке. – Фраза прозвучала как гром среди ясного неба, и Гарвин подпрыгнул от неожиданности. В следующий момент он понял, что в скафандр вошедшего был вмонтирован небольшой громкоговоритель.

– Ваш корабль поступил в распоряжение законных властей. Все вы должны считать себя пленными. В надлежащее время вы получите возможность изменить свой статус. При попытке сопротивления вы будете пристрелены на месте. Вам не причинят вреда, если вы будете подчиняться приказам. Вы будете щедро вознаграждены в будущем, если согласитесь сотрудничать. Запомните: без промедления выполняйте приказы, и с вами ничего не случится. Неподчинение карается смертью. А теперь – ждите дальнейших распоряжений. – С этими словами блондин удалился.

– Ну и дерьмо, – пробормотал Кипчак. – Крепко же мы влипли.

– Ну и что же тут, черт возьми, происходит? – спросил Иоситаро.

– Помнишь, я говорил, что РР – тесный мирок? Я знаю этого ублюдка. Его зовут Селидон, и он просто кусок дерьма. Если будешь выпендриваться, он пристрелит тебя, не моргнув глазом.

– Что-то я не очень понял. – сказал Гарвин. – На кой черт Конфедерации нужно красть у себя свой собственный корабль?

– Он не работает на Конфедерацию, – ответил Петр. – Уже

давно. Он – наемник. Стал наемником, когда его вышибли пинком под зад. Я слышал, что он вроде бы работает на одного регента в звездной системе... Ларникс... Нет, Ларикс. У нее было двойное название. А, вспомнил: Ларикс и Кура.

– Ну и что будет дальше?

– Мне кажется, – уже более уверенно ответил Кипчак, – что мы действительно стали жертвой пиратов. Похоже, этот регент положил глаз на наш корабль и на то, что в нем есть. Но никак не могу понять, как он узнал о перемещении войск Конфедерации. Это у меня в голове не укладывается. Однако неплохо они все организовали. Скафандры – без опознавательных знаков. Их корабль, скорее всего, – невидимка. Шансов улизнуть с добычей незамеченными у них на все сто.

– А что будет с нами? – спросил Гарвин.

– Так же будем служить в армии, – ответил Кипчак. – Но уже не в армии Конфедерации. И, наверно, уйдет немало времени, чтобы мы вернулись в место, хоть чуть-чуть похожее на дом. Если, конечно, это имеет для вас значение.

– Превосходно, – сказал Ньянгу. – Просто превосходно.

Но Петр его уже не слушал. Он часто пощелкивал языком в такт своим размышлениям.

– Не-а, – объявил он. – Это не для меня, братишки.

– Что «не для меня»? – не понял Гарвин.

– Я не собираюсь служить какому-то регенту, – твердо сказал Кипчак. – Особенно предателю. Когда Конфедерация обрушится на этого ублюдка, полетят головы у всех и каждо-

го, кто носит его погоны. Нет, это не для меня, – повторил он.

– И что ты собираешься делать? – спросил Ньянгу.

– Обо мне не беспокойся. Вы, парни, просто не высовывайтесь и старайтесь не получать никаких повышений. У солдата в чине рядового меньше шансов отправиться на виселицу. Рано или поздно все утрясется. Или у вас хотя бы будет возможность бежать. Все будет в порядке. – Петр смотрел не на них, а на двух стражников у входного люка.

– Значит, ты сваливаешь?

– Прикуси язык.

– А нам с тобой нельзя? – спросил Гарвин. – Будь я проклят, если я стану пиратом.

– Да не будь ты олигофреном, – рявкнул Кипчак. – Просто... – Он оборвал фразу и критически осмотрел Гарвина и Ньянгу: – Вы что, серьезно?

– Да, – ответил Гарвин.

Ньянгу секунду подумал и тоже кивнул:

– Один раз я уже столкнулся с правосудием. Второго раза мне не надо. Если ты нас возьмешь, я пойду.

– Ну... Я же говорил, что я ваш должник. И у меня будут проблемы, если на спасательной шлюпке я окажусь один. Особенно – при дальнем путешествии, которое нам предстоит, если мы доберемся до шлюпки. О'кей. Ничего с собой не берите. Сначала мы будем потихоньку пятиться, очень медленно. Когда на вас посмотрит кто-то из охранников, застывайте на месте. Не оглядывайтесь. И, ради всего святого, не

улыбайтесь. Скоро они вернутся, чтобы всех увести. Именно в этот момент, в суматохе, мы должны проскользнуть мимо санузла и открыть замки на люке в дальнем конце отсека. После этого идите за мной. Надеюсь, что в проходе за этим люком будет воздух. Наша цель – одна из С-шлюпок, спасательных кораблей. Они должны быть на средней палубе. Все эти чертовы военные звездолеты строятся по одной схеме. Если нам повезет, шлюпка будет заправлена топливом и снабжена всем необходимым. В другом случае... В общем, пошли.

«Шажок... шажок... – считал Ньянгу. – Статуя. Я – статуя. Один из этих гадов с бластерами только что посмотрел вдоль шеренги. Но не на меня. Не на меня... шажок...»

Через бесконечные полчаса Селидон вернулся.

– Все идет отлично, – пролаял он сквозь треск усилителя. – Берите ваши шмотки и подходите ко мне по одному. Мы вас обыщем, а потом переведем всех в отсек поменьше. А то вдруг вам придет в голову резвиться? Если у кого-то есть оружие, бросьте его на пол прямо сейчас. У кого найдем позже – расстреляем на месте. Начали! Первый!

Рекруты дружно и беспорядочно подались вперед.

Кипчак присел и скользнул в боковой проход между койками. К нему вплотную прижимался Гарвин. Последним полз Ньянгу. Со всей возможной на четвереньках поспешностью они уходили подальше от главного входа в отсек.

Когда они ползли мимо смятой койки, на которую Май

привела Ньянгу, у него внутри что-то сжалось. Он подумал о том, что могло бы случиться в его жизни, но чего не будет никогда.

У небольшого люка, закрытого на двойные защелки, Кипчак остановился. Он нажал на один из запоров, и с него с громким щелчком отскочил кусок краски.

– Чертовы скоты ремонтники! – прошипел Кипчак. – Если что-то не на колесиках, залей это краской.

Он налег на запор всей тяжестью своего тела, и тот открылся. Вторую защелку он открыл уже без труда, подвигал ее туда-сюда и удовлетворенно кивнул. Воздух с той стороны был.

Кипчак открыл люк, и все трое заползли в утробу технических отсеков звездолета.

Глава 5

Гиперпространство

Гарвину казалось, что их тихие шаги оглушительным эхом разносятся по пустынным переходам. Впереди шел Кипчак, за ним – Ньянгу. Гарвин отметил, что для обоих его товарищей идти крадучись не составляло труда, было делом привычным. Собственные же шаги казались ему попыткой пьяного бегемота добраться из бара домой.

Петр жестами показывал дорогу: вдоль по этому переходу, в этот люк... Они следовали за ним. Дважды он показал, что нужно затаиться. Они прыгали в какой-нибудь открытый отсек и ждали, пока мимо них прогремывают шаги ног, обутых в тяжелые ботинки скафандра.

Впереди послышался шум, и Кипчак на свой риск свернул в боковой проход. До них донеслось:

– Подойди!.. А ты, засранец, стой на месте. Где этот долбаный список... Тихо, я сказал!

Звук удара и крик боли. Потом голос Селидона:

– Тихо! Повторять не буду, – гремел он. – Вас построили в шеренги, так и стойте в них смирно. Когда до вас дойдет очередь, назвать сержанту себя – сначала фамилию, потом имя – и ждать, пока он отметит вас в списке. Теперь вы – солдаты вооруженных сил Ларикса и Куры. Запомните навсегда: мы ни с кем не нянчимся и требуем беспрекословного исполне-

ния приказов. Итак, я приказываю...

Петр с умным видом кивал головой, как будто он сам мог произнести эту речь. Потом он жестом подозвал их к люку, на котором красными буквами было написано:

АВАРИЙНЫЙ ДОСТУП К СПАСАТЕЛЬНЫМ КОРАБЛЯМ.

ВНИМАНИЕ! При разгерметизации этого люка раздастся сигнал тревоги. Открывать только в случае крайней необходимости под наблюдением вахтенного офицера или старшего офицера вашего подразделения.

Петр осмотрел люк. Ньянгу тоже поинтересовался – сначала засовы, потом поворотные петли. Он показал пальцем на что-то невидимое Гарвину, сложил пальцы рук в звериную пасть и несколько раз быстро развел и сложил ладони, изображая вой сирены. Потом нагнулся и стал отгибать угол плиты пластикового покрытия пола, пока тот не отломился.

Иоситаро засунул кусок пластика в одну из поворотных петель, зафиксировав таким образом едва заметную пружинку какого-то переключателя. Он с усмешкой поднял вверх большой палец руки, затем сложил указательные пальцы крестом. Петр отодвинул засовы. Сигнализация не сработала.

Они оказались в извилистом переходе, перекрытом множеством люков меньшего размера с равными интервалами. Этот переход непосредственно прилегал к внешней обшивке корабля. Гарвину казалось, что, прикасаясь к стене, он чув-

ствует холод космоса.

Петр указал на один из люков. Они без труда открыли его и вошли в небольшой шлюз. Кипчак открыл внутреннюю дверь шлюза, и все трое спустились в большой отсек каплевидной формы. По обеим сторонам этого помещения находились двери с надписью «санузел». Пол, стены и потолок были покрыты мягкой обшивкой, а койки – ремнями прикреплены к стене. Лестница в несколько ступенек вела вниз, к командному пункту с тремя экранами, множеством сенсоров и единственным креслом с пристегжными ремнями. В центре панели управления находилась квадратная кнопка, защищенная чехлом.

– Задраить внешний люк, – приказал Кипчак, и Янсма тотчас выполнил распоряжение. Петр проверил все запоры и собственноручно тщательно запер внутренний люк. – Опасность пока не миновала, – сказал он почему-то шепотом. – Иногда эти сволочи устанавливают дополнительную сигнализацию, которая срабатывает при запуске двигателей или при выходе в космос. Вы двое! Опустите койки и пристегнитесь к ним. Не знаю, придется ли нам выполнять фигуры высшего пилотажа на гравитационной тяге, по, по-моему, если можно избежать синяков, то их нужно избежать.

Ньянгу и Гарвин пристегнулись к койкам, а Петр, спустившись в командный пункт, – к креслу пилота.

– В управлении это корыто не сложнее самоката, – сказал Кипчак. – Видите эту огромную квадратную кнопку?

Она включает двигатель. Когда я ее нажму, у нас будет автономная гравитационная система, а экраны будут показывать изображения в реальном времени: этот – вид спереди, тот – вид сзади. Посередине – радар. В гиперпространстве все три будут стандартными навигационными мониторами. Надеюсь, что будут. Я чешу языком, потому что собираюсь запустить этот драндулет и боюсь, что у меня не получится. – Он сжал зубы, откинул чехол с красной кнопки и вдавил ее.

Направление гравитации переместилось с острия капли на днище шлюпки, и экраны засветились. Ньянгу почувствовал вибрацию, от которой не спасала даже мягкая обшивка.

– Мы в порядке, – сказал Петр. – Посмотрим, включится ли эта хреновина... А вот эта... Ну и... поехали!

Гарвин почувствовал, как открылся люк в обшивке «Мальверна», как шлюпбалки вынесли их спасательный кораблик в открытый космос и снова вдвинулись обратно. Он взглянул на экраны командного пункта. Ничего не понял на среднем, но остальные два показывали корпус «Мальверна». Вплотную к транспортному кораблю примыкала игла военного звездолета.

– Ну, теперь-то мы услышим тревогу, – сказал Петр, пробежавшись пальцами по клавиатуре.

Но ничего не произошло.

– Невероятно, – сказал он, – Не настолько чиста была моя жизнь, чтобы заслужить это чудо. Но поехали дальше.

Он нажал какую-то кнопку, потом – снова главную. Весь

мир вокруг них задрожал. На экранах возникли расплывчатые контуры гиперпространства.

– Раз... два... три... четыре, – и Кипчак дотронулся еще до одного сенсора.

Изображение на экранах не успело вернуться к норме, а Кипчак снова нажал главную кнопку. Они совершили еще один скачок.

– Два скачка вслепую, – объяснил он. – Просто чтобы убедиться, что у нас не украли датчики. Где-то здесь должна быть кнопка с надписью «Экстренное перемещение».

Они вернулись в обычное пространство. Вокруг не было ничего: ни звезд, ни планет, ни «Мальверна», ни пиратов.

– Несмотря на то что нам жутко везет, – сказал Петр и выдержал паузу, – мы были бы в полном дерьме, если бы не моя специальная подготовка. Каждым скачком мы переместились на половину световой минуты. Этого хватит, чтобы гоблины нас не нашли, но и базовые координаты в головном компьютере «Мальверна» мы не потеряем.

– А что будет, если потеряем? – спросил Гарвин.

– Скорее с нас снимут скальп и трахнут в задницу, – ответил Петр. – Эта шлюпка должна быть нацелена – подчеркиваю: должна быть! – на конечный пункт назначения «Мальверна». Это один вариант. Второй вариант – на обратную дорогу к Центруму. На скачок к ближайшей населенной планетной системе – третий.

Его пальцы снова забегали по клавиатуре. Поймав при-

стальный взгляд Ньянгу, Петр оторвал глаза от экранов и усмехнулся:

– Тебе и в голову не пришло, что старый крекер умеет обращаться с этой штукой, а? Приходится учиться – чем больше знаешь, тем дольше живешь. В природе больше не существует солдат, которые хотя бы по верхам не прочитали курс «основ наружной баллистики». А еще: нужно уметь обращаться со всеми механизмами на свете – от индейской пращи до «Мальверна».

– Ты что, мог бы пилотировать «Мальверн»?

– Смог бы поднять его с планеты и вывести в открытый космос, – ответил Кипчак. – В компании двух старательных полудурков, способных нажимать на кнопки, до которых мне не дотянуться. Что касается полета в гиперпространстве... Для этого есть компьютеры. Все. Помолчите. Надо узнать, какие у нас перспективы. – Он уставился в экран.

– Мм-да, – протянул он через некоторое время. – Возвращаться на Центрум рискованно. У этой говешки плохо с дальнобойностью полета. Через семь-восемь скачков работа систем жизнеобеспечения будет под большим вопросом. Можно направиться в сторону ближайшей планетной системы, населенной людьми. Сейчас это Ларикс. Какое совпадение! Ребята, мы хотим туда отправиться?

Гарвин и Ньянгу дружно помотали головами.

– Поэтому летим, куда летели, – на D-Камбру. Два, скорее – три скачка. Это займет около недели по земному времени.

Тоска смертная, но что делать? Ведь мы – преданные слуги Конфедерации. Держу пари, когда вместо пузатого «Мальверна» явимся мы, все дерьмо на D-Камбре выйдет из берегов.

Янсма и Иоситаро переглянулись и не стали говорить об очевидном. «Когда явимся»... или «если явимся».

– Так что позвольте мне подготовиться к нашему первому скачку, и вперед! – сказал Петр фальшиво оптимистическим тоном.

Гиперпространство снова засосало их в свою воронку. Калейдоскопическое мерцание мониторов по-прежнему приковывало взгляды Гарвина и Ньянгу, но Кипчак туда больше не смотрел.

– Посмотрите-ка сюда, – сказал он. – Вот из-за этой штуки я и решил вас взять с собой. Тот, кто придумал эти спасательные шлюпки, считал, что в них окажется перепуганный народ, не имеющий представления о том, где у корабля нос, а где корма. А потому управлять этой посудиной проще простого. Находишь свою программу, давишь на главную кнопку и можешь сидеть грызть ногти. Единственное, за чем нужно следить в гиперпространстве, – за стрелкой вот этого индикатора. С помощью этой ручки ее надо удерживать между вот этими черными квадратиками. Еще надо следить за таймером. Каждые два часа его нужно перезапускать. Не перезапустишь – автоматика вынесет корабль из гиперпространства. По-моему, вся эта ерунда нужна только для того,

чтобы не сойти с ума от скуки. Но из всех моих знакомых еще никому не удавалось обезвредить этот проклятый таймер. Так что нам придется дежурить по очереди.

– Приятно знать, что ты не просто балласт, – сказал Гарвин.

– Нет, парни, вы нужны. Вы по-настоящему нужны. И не только для этого, но и для самого главного! Все, что из вас выходит, подвергается вторичной переработке, и вы снова дышите этим, завтракаете этим, и этим же запиваете свой завтрак. – Петр зловеще усмехнулся, собираясь насладиться зрелищем двух физиономий, перекошенных судорогой тошноты. Но его постигло разочарование. – На стопроцентной субстанции ресайклер не будет работать как надо. Когда агрегат перерабатывает сырье только из одного источника, в нашем случае – из единственного пассажира, то он начинает действовать, мягко говоря, неаккуратно. В общем, слишком быстро. А чем больше у него игрушек – в пределах разумного, конечно, – тем лучше для всех нас.

– Должна же здесь быть и нормальная еда, – предположил Гарвин. – Ведь если мы будем есть только то, чем испражняемся, то через несколько дней нам захочется пропустить через ресайклер Иоситаро. Снижение объемов переработки и все такое.

– Ты прав, – согласился Петр. – Еда и остальные припасы должны лежать вон там. Не только самое необходимое, но и кое-какие деликатесы. Всем понятно, что тот, кому прихо-

дится сидеть на этой говножрачке в ожидании подмоги, по достоинству оценит любое разнообразие.

Ньянгу подошел к указанному шкафчику и открыл замки.

– Ранг-дао! – выругался он. – Кто-то решил поживиться за наш счет.

Кипчак в мгновение ока оказался у шкафчика.

– Замечательно, – мрачно сказал он. – Просто превосходно. Кто-то, то ли в доке, где ремонтировали «Мальверн», то ли из команды, провел инвентаризацию припасов. Не знаю только, сам он все сожрал или продал.

– Ну и чем мы располагаем? – спросил Гарвин.

– С голода не умрем, – ответил Петр. – Но когда доберемся до Камбры, вряд ли согласимся съесть хоть ложку соевого соуса.

Другие шкафчики тоже не избежали внимания воров, в том числе шкафчик с надписью «Развлечения». Петра это нисколько не расстроило.

– Что ж, это отличная возможность научиться чему-нибудь новому, – сказал он. – Существуют два способа проводить время, когда ты не на боевом дежурстве или угодил куда-то, откуда нет никакой возможности смыться. Именно в такой ситуации ты и оказываешься постоянно, когда служишь в армии. Можете мне не верить, но армия позволяет солдату спать даже больше, чем нужно. Так вот, можно чесать языком, а можно учиться. Большинство предпочитает болтовню. Все сидят и рассказывают друг другу историю

своей жизни, самое интересное, что с ними когда-то случилось, и так далее.

– Да, на «Мальверне» все так и делали, – подтвердил Гарвин.

– Ну, не все, – не согласился Петр. – Только новобранцы. Ведь они не подумали о том, что будет, когда запас историй кончится. Что происходит, когда ты знаешь абсолютно все о своем соседе? Ты тут же начинаешь ненавидеть его со всеми его потрохами. Гораздо лучше – заниматься собой. Почитать диск, к примеру. Или, если нет диска, попросить кого-то, кто что-то умеет, научить и тебя. Это дает и пищу для ума, и возможность наплевать на всех, кто заставляет тебя заниматься бесполезными делами.

– Ну и чем займемся? – спросил Гарвин. – Ньянгу еще два часа стоять на вахте, а потом моя очередь.

– Кажется, ты любишь красивые слова? – сказал Кипчак. – Я это заметил, когда ты читал проповедь о вреде азартных игр.

– Да, люблю.

– Это хорошо. Сиди и слушай.

Гарвин изобразил внимание.

– Входит Хор. Хор:

О, если б муза вознеслась, пылая,

На яркий небосвод воображенья,

Внушив, что эта сцена – королевство.

Актеры – принцы, зрители – монархи!

Гарвин и Ньянгу в недоумении переглянулись.

Спустя много часов, за которые они несколько раз сменяли друг друга на вахте, немного охрипший Петр закончил декламацию:

Все это представляли мы не раз;

Примите ж ныне милостиво нас.

Он встал и поклонился.

– Я чертовски горжусь этим, – сказал он.

– По-моему, – сказал Гарвин после длительной паузы, – здесь есть чем гордиться. Это называется «пьеса»?

– Ага.

– И сколько таких ты знаешь?

– Двенадцать или тринадцать.

– Их написал тот же парень?

– Большинство из них. Но были другие: Мольер, Робишо, Ван Максдем, Ануй.

– И ты все их выучил наизусть?

– Помогает не заснуть на боевом дежурстве.

– И что, в армии все таким дерьмом занимаются? – поинтересовался Иоситаро.

– Нет, только некоторые. – Петр зашел в санузел выпить воды, а вернувшись, заявил: – Теперь ваша очередь меня развлекать.

Прошла целая вечность, прежде чем их шлюпка вынырнула из гиперпространства посреди какой-то планетной системы.

Петр вытащил из гнезда микрофон коммутатора и нажал на кнопку. На панели загорелись огоньки.

– Мы выйдем в эфир на стандартной для сигнала бедствия частоте, – пояснил он и нажал другую кнопку. – D-Камбра, D-Камбра! Говорит спасательная шлюпка транспортного корабля Конфедерации «Мальверн». Пожалуйста, ответьте на этой же частоте. D-Камбра, говорит спасательная шлюпка «Мальверна»...

Глава 6

Д-Камбра

Дверь открыл высокий седой человек в погонах коуда. Он был командующим Ударного корпуса быстрого реагирования.

Петр вскочил и вытянулся в струнку. Ньянгу и Гарвин неуклюже попытались проделать то же самое. На всех троих была новенькая форма, Ньянгу и Кипчак были в зеленом камуфляже пехоты, Гарвин – в черном комбинезоне танкиста.

– Входите, – холодно произнес коуд Уильямс.

Вслед за ним все трое вошли в приемную генерал-губернатора Уилта Хэмера. Глава Планетарного правительства системы Камбра, прямой представитель Конфедерации выглядел дедушкой. Но в этот момент он не собирался никого угощать леденцами, напротив – полыхал праведным гневом. Дверь за вошедшими оглушительно захлопнулась.

– Вот эти трое, губернатор, – сказал коуд Уильямс.

Хэмер расхаживал за огромным полированным деревянным столом, на котором не было ничего, кроме старомодного, по всей видимости очень дорогого, письменного прибора. В стол была вмонтирована кнопка связи.

Губернатор посмотрел на них так, как будто они были разносчиками заразы.

– Понятно, – сказал он. – Все трое – новобранцы.

– Двое, сэр, – ответил Уильямс. – Тот, что слева, в армии не первый раз.

Хэмер хмыкнул:

– Не смог заработать на гражданке?

У Кипчака покраснела шея, но он промолчал.

– Я должен бы поздравить вас с тем, что вы вышли живыми из... экстраординарных обстоятельств. Но не могу. Потому что один из вас, идиоты, решил поделиться своими фантазиями с писаками, едва выйдя из спасательного корабля.

– Мы не... – начал Гарвин.

– Молчать! – рявкнул коуд Уильямс.

– Нет, продолжай, – сказал Хэмер.

– Это сделали не мы, сэр, – сказал Янсма.

– Тогда кто же?

– Не знаю, сэр.

– Я уверен, что ни один из команды, которую я отправил вам на помощь, не мог дать информацию на холо без моего на то специального разрешения, – сказал Хэмер. – Это неопровержимая истина.

До Гарвина наконец дошло, что здесь лучше помалкивать. Генерал-губернатор продолжал:

– Ваше опрометчивое заявление... Не стану называть это ложью... Ведь насколько я понимаю, вы втроем верите в эту чушь... Оно могло сильно осложнить наши отношения с Лариксом и Курой, и в особенности с их регентом, Аленом Редрутом. К счастью, у меня была возможность немедлен-

но выступить с разъяснениями. Вообще-то я не обязан сообщать это простым солдатам, но вам я кое-что объясню. Поскольку считаю, что все, кто находится в моем подчинении, должны разделять мою точку зрения. Мы находимся на дальних границах Конфедерации. К вашему сведению, невозможно добраться к центру Конфедерации в обход планетных систем Ларикс и Кура. Добрая воля людей, населяющих эти системы, и в особенности их регента, крайне важна для благополучия Камбры. Ваши злопыхательские рассказы могли сломать существующие весьма тесные взаимоотношения. Вам это неизвестно, но некоторое время назад регент Редрут был настолько любезен, что посетил Камбру. Не так ли, коуд Уильямс?

– Да, сэр. Если быть точным, двадцать три земных месяца тому назад, – поддержал Уильямс.

– Его визит прошел в теплой и дружественной атмосфере, – продолжал Хэмер. – Он посетил наши шахты, наши города и даже нашел время посетить ваш, коуд, Ударный корпус, не так ли?

– Да, сэр, – ответил Уильямс.

– И вот теперь нашей дружбе, дружбе трех великих звезд, населенных людьми, здесь, на краю человеческой цивилизации, угрожает болтовня троих недоумков, – размышлял Хэмер. – Нельзя допустить, чтобы ситуация ухудшилась. Поэтому позвольте мне разъяснить вам, что в действительности произошло. Какие-то негодяи захватили два космиче-

ских корабля, принадлежащих регенту Редруту. Возможно, преступники были дезертирами, самовольно покинувшими службу в вооруженных силах Ларикса и Куры. Но они использовали мундиры армии регента для прикрытия своих отвратительных деяний, что и ввело вас в заблуждение. Вы допустили ошибку, но я ее исправил. В средствах массовой информации уже опубликованы ваши извинения и разъяснения, сделанные после того, как я обеспечил вам доступ к файлам нашей разведки.

У Иоситаро округлились глаза.

– Вы хотите что-то сказать, молодой человек?

– Нет, сэр, – ответил Ньянгу. – Не хочу, сэр.

– Значит, мне показалось, – сказал Хэмер. – Коуд Уильямс, я не знаю, как нам поступить с этими людьми. Будь мы ближе к цивилизации, я бы распорядился уволить их с военной службы. Но я сильно сомневаюсь, что на D-Камбре хоть один из них окажется полезным членом общества, а мы не заинтересованы, чтобы они стали обузой для нашей экономики. Но я хочу, чтобы они полностью осознавали свой поступок. Им будет позволено до конца пройти срок службы. Но впредь я не желаю что-либо слышать о них или снова видеть их лица. Я против их повышения по службе или признания за ними каких-либо заслуг без моего специального разрешения. Я ясно выразился?

– Сэр, я не могу...

– Коуд, это приказ!

– Да, сэр.

Ньянгу и Гарвин в каком-то оцепенении следовали за Кипчаком, а тот, в свою очередь, шел в двух метрах за коудом. Уильямс размашистым шагом спускался по мраморной лестнице резиденции генерал-губернатора. «Кук» Уильямса – открытый гравимобиль, использующийся в армии везде, от медсанчасти до курьерской службы, – стоял с поднятым капотом. Водитель, ругаясь себе под нос, рылся в ящике для инструмента.

– Что на этот раз, Бегущий Медведь?

– Просто не заводится, сэр. Но, думаю, починю.

– Хорошо, – сказал коуд. – Вы, трое, на ту сторону улицы и в парк!

Рекруты подчинились приказу.

– Построиться в шеренгу, – приказал Уильямс. – Внимание! Вы слышали, какую судьбу приготовил вам генерал-губернатор. Из его собственных уст. Но в моей части такого не будет... Не будет в том случае, если вы не попадетесь ему на глаза до того, как он забудет ваши имена. В моем черном списке ваших имен нет. Нет. Я никогда не наказываю солдат за их честные ошибки. Кроме того, если по заслугам вам будет причитаться повышение или награда, вы их получите. Вы просто рассказали о том что видели или думали. И не стали отказываться от своих слов. Я уважаю по-хорошему упрямых солдат. Но не нужно заходить слишком далеко. Учитесь думать над тем, что, как вам показалось, вы ви-

дели, и переосмысливать увиденное. Хорошенько запомните: наш Ударный корпус быстрого реагирования находится, как уже сказал генерал-губернатор, на самом краю Конфедерации. Мы отчаянно нуждались в оборудовании и людях на «Мальверне». Слишком давно не пополнялись наши ряды и не обновлялись наши машины. Поэтому многие уважаемые люди могли слишком близко к сердцу принять дурные вести о похищении корабля. Вам понятно, о чем я толкую?

– Да, сэр, – громыхнул Петр. Двое кивнули.

– Отлично, – сказал Уильямс. – Давайте забудем об этом случае. Добро пожаловать в Ударный корпус быстрого реагирования. Вы, двое, немедленно приступите к обучению. К сожалению, оно будет носить несколько неформальный характер. Тебя, Янсма, мы определим непосредственно в команду боевой машины. Там тебя и натаскают. Ты, Иоситаро, пройдешь обучение в подразделении, в какое тебя определит офицер, руководящий кадрами. Тебя, Кипчак, уже запросил в свое распоряжение старший твег Рэб Гонсалес из группы разведки и рекогносцировки. Он говорит, что знает тебя по прежним временам.

– Так точно, сэр. Мы с твегом Гонсалесом вместе прошли через Денеб-Неккар. Замечательный человек, сэр.

– Когда мы прибудем в расположение части, у тебя будет возможность лично доложить ему о прибытии. Это все. Но напоследок я повторю свой совет: во-первых, не высовывайтесь и, во-вторых, не заставляйте старших по званию, в част-

ности – меня, слишком долго помнить о ваших прегрешениях. Финф Бегущий Медведь, похоже, завел нашего «ку-ка», так что прошу на посадку! Отправимся в лагерь. – Уильямс чеканным шагом направился к подъемнику.

Гарвин и Ньянгу переглянулись.

– Он кажется приличным человеком, – прошептал Янсма.

– Да? Он верит нам не больше, чем тот седой ублюдок, – ответил Иоситаро. – Просто выражается вежливее.

Кипчак согласно кивнул:

– Ты кое-что понял, сынок. Но будь к нему... может быть, к ним обоим... более снисходительным. Что бы ты делал, если бы вокруг троса, на котором ты болтаешься в океанской глубине, кружила акула и норовила его перекусить?

– На это трудно возразить, – сказал Гарвин. – Кроме того, что если дураку и магнит покажешь, он все равно не верит, что рулетка заряжена.

Их «кук» заскользил по широкому проспекту, пересекающему город Леггет от комплекса правительственных зданий до залива, вокруг которого вытянулся остров Дхарма. База Ударного корпуса находилась на острове Ченс – в центре огромного залива, в двадцати километрах от них. Остров едва различался сквозь плотное море, повисшее над волнами. Бегущий Медведь прибавил газу, подняв «кук» на высоту тысяча метров. Уильямс повернулся к ним и, перекрикивая свист ветра, спросил:

– Все ли приняли присягу на Центруме?

Рекруты обменялись взглядами.

– Никак нет, сэр, – ответил Кипчак. – В этот раз никто меня к присяге не приводил. Думаю, у них до этого руки не дошли.

Ньянгу и Гарвин тоже помотали головами.

– Вы хотите сказать... вы уже сколько времени в армии? – ужаснулся Уильямс.

– Я – два с половиной земных месяца, – пояснил Петр. – Иоситаро и Янсма – по шесть, поскольку их завербовали не на Центруме.

– Шесть месяцев, и вы даже не... Господи! Что же происходит в умах? Присяга... ведь это самая важная часть... Никому нельзя доверять, совсем никому. – От волнения Уильямс не договаривал. Его губы сложились в тонкую линию. – Джентльмены, примите мои извинения от имени Конфедерации. Это недопустимо. Совершенно недопустимо!

– Бог ты мой, – себе под нос буркнул Ньянгу.

– Черт возьми, за всю жизнь не видел столько солдат, – пробормотал Иоситаро. – Интересно, зачем все они тут собрались.

– Прикуси-ка язык, – цикнул Петр. – Это очень торжественное событие.

На всех троих были парадные мундиры – темные, иссиня-черные брюки с желтыми лампасами, короткие гимнастерки, подпоясанные ремнем, фуражки и эполеты. Штаны были заправлены в высокие, доходящие до икр, ботинки.

На гимнастерке Петра слева красовались три ряда наград, справа – две крылатые нашивки. На форме остальных не было ничего. На широких ремнях черной кожи у каждого висели пустые ножны для кортика.

Построение происходило в центре огромного плаца Кэмп-Мэхена, растянувшегося на три километра. Все это пространство было забито солдатами в парадном обмундировании. Был представлен весь Корпус – мужчины и женщины. Почти восемь тысяч человек.

С дальнего конца плаца парадным шагом приближался коуд Уильямс. Позади него двигалась группа из трех знаменосцев с флагами Конфедерации, Камбры и Корпуса. За ними маршировали все офицеры штаба. Замыкал процессию духовой оркестр, надрывавшийся что есть мочи.

Щелкнув подошвами ботинок, Уильямс остановился в пятнадцати метрах от новичков. Оркестр сыграл еще четыре такта, и над плацем повисла тишина.

Гарвин уловил аромат полевых цветов, смешанный с запахом новенькой формы и собственного пота.

– Солдаты Корпуса! – грохнул Уильямс, и его слова эхом отозвались в восьми тысячах маленьких динамиков, укрепленных на ремнях солдат. – Мы собрались здесь, чтобы оказать честь троим людям, пожелавшим присоединиться к нам. Гарвин Янсма, Петр Кипчак, Ньянгу Иоситаро, пять шагов вперед! Знамена!

Два знаменосца, один с флагом Конфедерации, другой

– Корпуса, вышли вперед. Без специальной команды знамя Корпуса опустилось так, что нижним краем едва не касалось земли.

– Положите руку на знамя!

Они подчинились.

– Повторяйте за мной. Я, коуд Йохим Уильямс, клянусь всем для меня святым, будь то Господь единый, или множество богов, или моя собственная честь, клянусь, что буду выполнять законные приказы моих командиров. Клянусь защищать Конфедерацию, ее идеалы и всех разумных существ, ее населяющих, до самой моей смерти или до момента, когда я буду освобожден от данной присяги.

Как только они произнесли слова клятвы, оркестр разразился гимном Конфедерации «Славься, Галактика!».

– Интересно, – прошептал Ньянгу, – работают ли в этой толпе карманники? И не потребовать ли у них нашу долю?

– Заткнись, – гневно прошипел Гарвин. Иоситаро скосил глаза на своего друга и увидел, что его кадык ходуном ходит по горлу, а по щеке сползает слеза. Заметив удивление на лице Иоситаро, Гарвин робко пояснил:

– Все это напоминает мне о цирке. Перед нами великий конферансье.

– Заткнитесь оба, – рыкнул Петр.

Оркестр смолк, и по плацу прокатилась волна приветственных возгласов.

– Знамена... поднять! – выкрикнул кто-то, и два знаме-

ноща развернулись кругом и вернулись на свое место.

– Милль Рао! – крикнул Уильямс. – Выдайте им оружие!

Старший помощник командира милль Пракаш Рао вышел из колонны штабных офицеров. Он раздал новичкам по кожаному футляру и вернулся на место.

– Будьте достойны оказанной вам чести, – произнес Уильямс. – Усердно учитесь, достойно несите службу, и пусть Корпус гордится вами. – Он сделал шаг назад и отдал честь. Рекруты козырнули в ответ.

– Командирам подразделений принять командование! Всем разойтись!

Иоситаро открыл футляр. Внутри лежала кокарда и две нашивки на воротник. На всем этом красовалась эмблема Корпуса: копье, от наконечника которого полукругом расходилась ударная волна. А еще в футляре был кортик. К удивлению Ньянгу, нож оказался не символической игрушкой для парадов, а смертоносным оружием. Клинок длиной около восемнадцати сантиметров был полностью заточен с одной стороны, и на семь сантиметров от острия – с другой. Эфес и наконечник кожаной рукояти были серебряными. Нож легко вошел в ножны, висевшие у Ньянгу на поясе.

– Удивительно, – сказал Ньянгу.

– Что удивительно? – довольно резко спросил Петр.

– Я не хотел сказать ничего обидного, – спешно пояснил Иоситаро. – Но вот нам дали эти эмблемы. Кружева и пока-зуха. А вот нож – чертовски нужная штука.

– Ну и?

– Ну и что такое этот Корпус? Кружева или сталь?
Кипчак непонимающе приподнял бровь.

– Ладно, – сказал Ньянгу. – Пошли служить.

Глава 7

С-Камбра

С ноющим звуком бурав вгрызался в скальную породу. Джорд'н Брукс часто заморгал, пытаясь выгнать пот из краешков глаз. Мелкие крошки кружились в пыльном воздухе, коркой налипали на лицо, красили волосы в грязно-серый цвет. В забое, где он лежал – полметра шириной, метр в высоту, – помещался только он сам, его бурав и конвейерная лента для отгрузки руды. Сырая и горячая скальная порода под ним начинала дрожать всякий раз, когда в соседнем штреке приходил в движение инструмент другого шахтера.

За двадцать лет работы в шахтах Брукс так привык к тесноте, что чувствовал себя здесь как дома. Он вывалил на конвейер здоровый кусок породы, отогнул рукав термоизолирующего комбинезона и посмотрел на часы. Отключив свой бурав и бросив его волочиться на проводе, он пополз по штреку к выходу сначала на четвереньках, потом, когда туннель расширился, встал на ноги, спиной касаясь потолка.

Туннель выходил на промежуточную станцию, где потолок был укреплен стальными балками и позволял выпрямиться во весь рост. Здесь дышать стало полегче: рядом с грудой образцов руды изо всех сил пыхтел кондиционер, вытягивая воздух. Рядом с готовым к отправлению лифтом стояла начальница его смены.

– Твое алиби обеспечено, – сказала она.

Брукс снял дыхательный аппарат, поставил на место буров и компрессор, вошел в лифт и поехал. Ствол лифта уходил на полмили вверх. Выйдя из него, Брукс прошел через шлюзовую камеру и пересел в вагонетку, идущую к главному лифту шахты. Он втиснулся в лифт вместе с другими шахтерами, возвращающимися со смены, шумными и грязными. Этот лифт доставил их на поверхность.

Когда он вышел из верхней шлюзовой камеры, яркие огни прожекторов заставили его зажмуриться. Почему-то всегда, когда он выходил из забоя, независимо от времени, он ожидал увидеть дневной свет. Воздух снаружи был пыльным, сухим и холодным в сравнении с уплотненной, пахнущей машинным маслом атмосферой шахты. Пока его термокостюм менял режим, было холодно.

Шахтеры направились к проходной, а Брукс нырнул за вагонетку и заскользил, стараясь держаться в тени, вдоль здания дирекции шахты, направляясь к огромным насыпям пустой породы. За насыпями он вскочил в автоматическую вагонетку, немного проехался. На одном из поворотов он соскочил и дальше пошел пешком. Дважды он останавливался, чтобы переждать патрули, о которых его предупреждали. Пропустив их перед собой, он продолжал путь. Ночь озаряли огромные факелы над скважинами, в изобилии разбросанными по пустыне.

Миновав вход в соседнюю шахту, Брукс пошел по желез-

нодорожному полотну, проложенному в узком проходе между огромными курганами выработанной породы, пока не наткнулся на врытый в землю полукруглый бетонный бункер. Знак, установленный перед бункером, гласил:

ОПАСНАЯ ЗОНА! ВЗРЫВЧАТКА!

Не входить без особого разрешения горнодобывающей компании «Миллазин»!

Вход с огнеопасными предметами запрещен!

Несанкционированное проникновение на территорию карается

увольнением и является уголовно наказуемым деянием!

Брукс подошел к одной из дверей бункера и достал из потайного кармана в штанине термостюма странной формы ключ. У ключа были четыре бородки разной длины и формы. Осторожно вставив его в прорезь двери, Брукс повернул ключ на полный оборот вправо, потом – на пол-оборота в обратную сторону и снова – на полный оборот вправо. Дверь распахнулась.

Он не заметил полукруглого выпуклого приспособления, вмонтированного в косяк двери прямо над замком, и не услышал, как в нем что-то щелкнуло. Услышав вой подъемника, Брукс отступил в темноту, глядя, как неосвещенная машина приземляется в пяти метрах от него. Из нее вышли две тени, подошли к нему. Оба человека держали наготове бластеры.

– Предназначение, – произнес женский голос.

– Священный долг, – ответил Брукс.

Женщина опустила оружие и подошла ближе. Когда-то они с Бруксом состояли в одной отаре. Так у 'раум назывались приходские общины. Ее звали Джо Пойнтон. Стройная, невысокого роста, двадцати с лишним лет, с небольшой грудью. У нее были на редкость полные губы, которые, казалось, самопроизвольно сложились бы в улыбку, если бы она им это позволила.

– Были проблемы с посадкой?

– Никаких, – ответила Пойнтон. – Когда тебя хватятся?

– Не раньше конца смены, – сказал Брукс.

– У нас все не так гладко, – сказал напарник Джо. – Мы подкупили техника из охраны, но держать радар выключенным он может не дольше часа.

По синеватому шраму на его щеке Брукс понял, что перед ним Комсток Брайен.

Пять лет назад Брайен покинул свой приход и одним из первых в движении ушел в джунгли. Теперь о нем говорили как о самом знаменитом полевом командире. Он не отличался высоким ростом, и, хотя когда-то был плотным и коренастым, годы в джунглях придали его фигуре аскетическую сухошавость.

– Удалось открыть бункер?

Брукс распахнул дверь, отстегнул с пояса фонарь, включил его. Они вошли внутрь.

– Ну и где здесь наши восточные сладости? – спросила

Пойнтон.

Брукс издал звук, отдаленно напоминающий смех.

– Здесь – телекс, там – блокс, а в этой комнате – запалы.

– Первым делом берем детонаторы, – сказал Брайен. – С ними мы можем заставить взрываться все что угодно.

Брукс и Джо осторожно отнесли в грав-буксир защищенные от ударов коробки с разнообразными детонаторами и вернулись за следующей порцией.

Когда они вышли из бункера, им в глаза ударил яркий свет, и они услышали:

– Еще один шаг – и вы покойники.

Они остановились.

– Охрана шахт «Миллазин», – сообщил голос. – Поставьте ящики на землю. Медленно. Вы под прицелом.

Они подчинились.

– Пять шагов вперед, – приказала охранница. – Лечь ничком на землю, вытянуть руки и ноги.

Брукс опустился на колени, прижался щекой к земле. Включился второй прожектор, пригвоздив их к пыльной земле.

– Эй ты, там, – крикнула женщина, – в бункере! Выходи. Медленно. Вы, наверное, и не догадываетесь, что есть люди, которые очень внимательно слушают, если кто-то интересуется взрывчаткой. А еще вы не знали, что мы установили на складах дополнительную сигнализацию. На всякий случай.

Из бункера вышел Брайен с поднятыми на уровень плеч

ладонями.

– Подними руки выше!

Он приподнял руки и тут же совершил стремительный кувырок вперед. Охранница выстрелила. Разряд пронесся над головой Брайена и угодил в бункер. Вспыхнуло пламя. Одновременно с сигналом пожарной тревоги, разорвавшим ночной воздух, из бункера повалили густые клубы дыма.

Охранница повернулась, опять целясь в Брайена, поднимавшегося на ноги. Брукс, став на четвереньки, подался вперед и ударил головой по ее ногам. Она свалилась на землю. Едва второй охранник перебросил луч своего фонаря на Брукса, как Пойнтон выхватила оружие и пристрелила его.

Потерявшая напарника охранница перевернулась на спину, держа бластер обеими руками и пытаясь целиться. Брукс прыгнул на нее. Она выронила бластер. Он дотянулся до ее горла и с силой стал ее душить. Он почувствовал, как хрустнули позвонки, как ее ботинки в агонии застучали по земле. Когда она затихла, он уловил запах дерьма.

Брукс поднялся. Вдалеке, подпевая пожарной тревоге, визжала другая сигнализация.

– Сматываемся, – бросила Пойнтон.

– Нет, – спокойно сказал Брукс. – У нас есть время еще раз сходить на склад. А потом возьмем с собой гравимобиль охраны.

Он произнес это без эмоций. Двое остальных в удивлении помедлили, затем кивнули. Брукс ринулся в горящий бун-

кер, не обращая внимания на языки пламени, перекинул через оба плеча увесистые связки взрывпакетов, качаясь под тяжестью груза, выбрался наружу и вывалил взрывчатку в подъемник охраны.

– А вот теперь сматываемся.

– А ты-то как? – спросил Брайен. – Сейчас везде будет полно охраны, и я не знаю, как ты доберешься до своего забоя.

Брукс сел в кресло водителя экспроприированной машины, осмотрел приборную панель.

– Похоже, Единому угодно, чтобы я, как и ты, ушел в бега. – Он пожал плечами. – То, что случилось, – случилось. Полетели!

Он завел машину, поднял ее с земли. Двое вскочили в свой гравбуксир и запустили двигатель.

В бункере что-то взорвалось, и по воздуху прокатилась ударная волна.

Летательные аппараты повисли над землей, немного покачались на одном месте и, заложив крутой вираж над ржавеющей конвейерной лентой, на полной скорости помчались вперед.

Единственное, о чем думал Брукс, – что он не попрощался с детьми.

Минуты три спустя склад взорвался, разрушив в радиусе километра все здания и объекты шахты, унеся жизни сорока пяти шахтеров-'раум, двенадцати начальников бригад и пя-

тидесяти охранников и пожарных, подлетавших к месту аварии. Горнодобывающая компания «Миллазин» смогла возобновить работу на этом участке только через месяц.

Глава 8

– Не скажете, как мне найти дека Бена Дилла? – спросил Гарвин у ног, свисающих из машинного отделения «гриссона».

– Он внутри этой жестянки, – ответил приглушенный голос. – Передай ему от меня, что он грязный ублюдок.

– Угу, – сказал Гарвин и подошел к боевой машине с тыла. Антенна на корпусе повернулась ему вслед, а потом стала раскачиваться туда-сюда, напоминая гончую, потерявшую след.

Трап войскового отсека был спущен, и внутри энергично работал шваброй какой-то человек. Это был самый крупный примат, какого Гарвин когда-либо видел за пределами цирка.

– Дек Дилл?

– Да, это я, – ответил человек. – Вооружен и очень опасен. Прекрасно владею базовым щетинным мусорометом марки 1. – Он отложил швабру и вышел из БМП.

Диллу еще не было тридцати, но он уже начинал лысеть. Его лицо украшала дружелюбная улыбка. Гарвин подумал, что он не хотел бы оказаться рядом, когда Дилл убирает улыбку с лица. Вряд ли кто-то ждал от него подобных формальностей, но он отдал честь.

– Рекрут Гарвин Янсма. Докладываю о прибытии.

– А, да-да, – сказал Дилл. – Ты, похоже, мой новый стрелок. Расслабься. Я не офицер, потому что я помню своих родителей. Добро пожаловать в третий взвод первой роты второго пехотного полка. И да простят тебе боги все, что ты им обещал, но не смог исполнить. – Его голос с легкостью преобразился в рев животного. – Эй, вы все! Вытаскивайте свои задницы из консервной банки! Ноги выпрыгнули из машинного отделения и превратились в перепачканного машинным маслом приземистого парня одних лет с Гарвином.

– Станислас Горецки, – представил его Дилл. – Он механик-водитель, в основном – механик.

– То есть это я виноват в том, что этот металлолом заводится только один раз из десяти?

– Кто-то должен быть виноват, – резонно заметил Дилл. – Но не я, поскольку я старше по званию. И уж конечно, не те засранцы в правительстве Конфедерации, которые снабдили нас «грирсонами» второй модификации вместо мало-мальски пригодных к употреблению. Эти засранцы не могут быть виноваты ни в чем.

– Это не самое плохое, что могло с нами случиться, – сказал Горецки. – Будь на то их воля, мы бы уже давно стали крекерами.

– На это трудно возразить, – поддержал Дилл и, заметив, что Гарвин ничего не понимает, принялся объяснять.

– Урок первый, – объявил он. – «Грирсоны», конечно, металлолом, но в каждой роте их восемь штук. В каждый вле-

зают две штурмовые команды по десять крекеров – вонючих пехотинцев. Один «грирсон» на взвод. Оставшиеся четыре машины – это штабная, орудийная, ремонтная, связная. Мы служим в первой роте, а этот «грирсон» приписан к третьему взводу. Ты можешь спросить: а где же, собственно, тусуется весь этот третий взвод? Может быть, в том ангаре? Но если ты туда заглянешь, то найдешь там не больше пяти человек – кретина старшего механика со своими отморозками-помощниками. Они с деловым видом расхаживают взад-вперед по ангару, имитируя трудовую деятельность. Так где же взвод? Сегодня взвод красит бордюрики на клумбах перед штабом подразделения в розовый цвет. Один из самых важных этапов боевой подготовки.

– Понял, – сказал Гарвин.

– Так что не валяй дурака, осваивай машину, – вступил Горецки, – а не то получишь воинскую специальность ассенизатора первого разряда. – Он присмотрелся к Гарвину внимательнее. – А не в твою ли честь был позавчерашний парад?

– В мою, – ответил Гарвин.

– Тогда я твой должник. Если б не ты, пришлось бы мне дежурить на обеде у милля Фитцджеральд. А так она отобедала с коудом в штабе. И все из-за тебя.

– Рад, что смог быть полезным.

Тут внутри «грирсона» что-то звякнуло, и оттуда вылезла женщина небольшого роста в старомодных очках с прямы-

ми волосами до плеч. Было такое впечатление, что ее парикмахер вместо ножниц использовал топор мясника. На рукаве ее гимнастерки красовались три полосы – знаки отличия финфа.

– М-мм... привет, – выдавила она, небрежно кивнув.

– Это Хо Канг, наша компьютерная пифия, – сказал Дилл. – Электронный перехват. Это Гарвин Янсма. Она финф, поэтому называть ее пифией позволительно только мне как старшему по званию.

– М-мм... привет, – повторила Хо и тут же обратилась к Диллу, совершенно забыв о существовании Гарвина. – Бен, помехи на приборе ближнего наблюдения никуда не делись. Я пыталась за ним следить, когда он ходил вокруг машины, и увидела шесть человек вместо одного. При этом они танцевали.

– Хо. – сказал Дилл. – Если я запишу это в бортжурнал, нас отправят на ремонтную стоянку. И как ты думаешь, мы хоть когда-нибудь дождемся запчастей? – Он кивнул в сторону Гарвина. – Наш новенький, между прочим, был на звездолете, в котором лежало все, о чем мы так долго просили. Но этот левиафан, как ты знаешь, до нас не долетел.

– О! – Она снизошла до Гарвина и спросила: – Они забрали все?

– Весь корабль.

– И кто они? – поинтересовалась Хо.

– Ну... на этот вопрос я должен ответить, что это были

пираты.

– А на самом деле?

– Хватит с меня неприятностей, – сказал Янсма. – Будем называть их пиратами.

– Хорошо бы пираты, – мечтательно сказала она. – Это гораздо лучше, чем эти тупые придурки из «Движения» или мусфии, которые ничего не делают, только глаза мозолят. Черт возьми! Я хочу... я задыхаюсь без битвы!

– Ничего, мы как-нибудь вольем в него пару бутылок пива, и он расскажет нам всю правду, – заявил Горецки. – А теперь вернемся к проблеме ближнего наблюдения. Я хотел бы знать, когда ко мне подкрадывается кто-то с гранатой.

Канг огляделась и убедилась в отсутствии лишних ушей.

– Неполадки я могла бы исправить сама, – сказала она. – Это, правда, запрещено, но я могла бы сделать нужную деталь из того, что можно купить в Леггете. Но на какие шиши?

Дилл полез в карман комбинезона, достал деньги.

– Возьми. Если не хватит, добавлю.

Канг спрятала деньги.

– Чего только некоторые не сделают, чтобы дослужиться до твега, – сказал Горецки. – Последнюю копейку отдадут, лишь бы держать фасон.

– Какой тут, к черту, фасон, – огрызнулся Дилл. – Еще одна поломка в этом ржавом корыте, и оно будет годиться только для памятника. Так что я всего лишь стараюсь стоять на страже ваших жизненных интересов.

Гарвин опять понял не все.

– Видишь ли, – объяснил Дилл, – это главная проблема Корпуса. Снаружи мы выглядим просто блестяще... Боже мой, этот кусок дерьма блестит так, – он похлопал по «грирсону», – что перед ним можно бриться. Но если ты захочешь полететь на нем чуть дальше сортира, то это совсем другое дело.

– На складе Корпуса вместо запчастей – дерьмо, – вставил Горецки. – Но боже тебя упаси починить что-нибудь самому. Если что-то сломалось, то так и останется сломанным, а говнюк первый твэг найдет тебе другую работу. В основном – дерьмо перекачивать.

– Это напоминает мне о другой проблеме, – сказал Дилл. – Ты прошел хоть какую-то подготовку?

– Никакой. – честно признался Гарвин. – Мне сказали, что обучение я буду проходить непосредственно в части.

– Это уж слишком, – рыкнул Дилл. – Список нужных вещей, которых у нас нет, и так не помещается в грессбух, а тут еще проси все необходимое для обучения. Патроны, ракеты... Про топливо вообще можно забыть.

– Вообще-то есть симуляторы, – сказала Канг.

– Она думает, что можно стать героем, сидя в теплом уютном местечке и понарошку стреляя по мишеням, которые понарошку отстреливаются. Иногда у нее в голове проводок не касается батарейки.

– Симуляторы – лучше, чем ничего, – совсем не обиделась

Канг.

– Симуляторы – это почти ничего, – заключил Дилл. – Так-то, Янсма. Все это совсем не похоже на рекламные ролики про армию. Добро пожаловать в Ударный корпус всячего члена!

Альт Джон Хедли лежал на столе в своем рабочем кабинете. Кабинет был бы довольно просторным, если бы не стойки топографических карт и огромное количество компьютеров и приборов разного назначения. А главное – посреди кабинета стоял огромный штабной стол, буквально пожиравший пространство.

– Добро пожаловать в «Разведку и рекогносцировку», – приветствовал Хедли, протягивая руку.

Ньянгу удивился неформальности обращения и поднял бровь, но на рукопожатие ответил.

– Поскольку мы абсолютно все делаем по-своему, то и методы долбаного обучения у нас свои собственные, – продолжал Хедли. – Две недели назад четверо горящих энтузиазмом туземцев как раз приступили к занятиям. Думаю, ты сможешь к ним присоединиться. – Он обратился к солидному, с проседью, старшему твегу, стоявшему позади Ньянгу: – Реб, не мог бы ты связаться с Моникой и попросить ее пожаловать к нам сюда, если она окажется в досягаемости.

– Хорошо, босс.

Ньянгу снова приподнял бровь. Хедли это заметил.

– Пожалуй, несколько советов тебе не повредят, – сказал

он. – У нас есть несколько простых правил. Первое, все мы тут долбаные добровольцы. Будешь бить баклуши – тут же вернешься в стадо баранов. Второе: не задирай свой долбанный нос. Мы такие же крекеры, только работаем маленькими группами. Просто то, что мы делаем, мы делаем быстрее, лучше и круче, чем кто бы то ни было. Так что не надо объяснять всем встречным и поперечным, какой ты супергент. И не стоит, покидая расположение роты, наезжать на гражданских лиц или на стадо баранов. За драку тоже можно вылететь из части. Особенно, если побьют тебя. Мы делаем грязную работу, но в свободное от нее время мы самые большие чистюли – мы бреемся, мы моемся, мы чистим ботинки и гладим форму. Свиньей может быть каждый кретин. Мы не кретины. Третье: мы все делаем по-своему, но это никого не касается. Я заметил, ты немного удивился, когда я назвал старшего твега Гонсалеса по имени, а он меня – боссом. Но в присутствии посторонних я бы употребил его фамилию и звание, а он бы сказал мне «Сэр». Ты можешь обращаться к каждому, как тебе угодно... Лучше сказать, как им угодно. Так уж сложилось, что у старшего твега Гонсалеса, например, за плечами семь локальных конфликтов и две полноценные войны. Поэтому если ты скажешь ему «Реб», когда он вернется, то он, видимо, сделает из тебя клейстер для обоев. Обращаться к нему по имени ты будешь, когда пройдешь обучение и будешь зачислен. А еще лучше – после того, как получишь пару ранений. Повторяю еще раз: наши

внутренние дела – это наши внутренние дела. Помни об этом и будешь достойным членом РР.

Тебя рекомендовал Петр Кипчак. Кстати, я только что повысил его в звании. У нас в РР хороший солдат остается рядовым, только если сам этого захочет, а Реб говорит, что Петр хороший солдат. Поэтому, собственно, тебя и спросили, не хочешь ли ты служить в разведке. Так что держись молодцом, не заставляй Петра краснеть. Да и меня тоже.

– Да, сэр, – ответил Иоситаро. Наградой ему была теплая улыбка Хедли.

Скрипнула дверь, и вошел старший твег Гонсалес. Его сопровождала очень красивая женщина, каких Ньянгу еще не доводилось встречать. Это была прекрасно сложенная блондинка с коротко стриженными светлыми волосами. Ее лицо... Ньянгу вспомнилась песенка, от которой его всегда тошнило. Там была глупейшая строчка: «... пчела поцеловала ее в губы». Ньянгу до сих пор не знал, что такое пчела, но песенные губы представлял себе именно такими.

– Звали, босс? – спросила женщина.

– Звал, – ответил Хедли. – Видишь этот кусок мяса? Он твой. Ньянгу Иоситаро, это дек Моника Лир. Она совмещает командование группой «Гамма» с ответственностью за обучение рекрутов. У тебя будет возможность заметить, что многие из нас сидят как минимум в двух креслах. Я, например, командир всей роты, а заодно – командир второго отряда. Реб тоже не только начальник штаба. По штатному рас-

писанию у нас должно быть четыре старших офицера, а у нас два – я и аспирант Боксхолл. Если попадешь к нам, тоже будешь носить две кепки. Ладно, довольно. Моника, убери с глаз моих долой этого паршивого штатского хлюпика. Сделай из него что-нибудь приличное, – распорядился Хедли.

– О'кей, босс, – ответила Моника. – Ты, – она ткнула пальцем в Ньянгу, – пошли!

Ньянгу отдал честь. Хедли сполз со стола, откозырял и дружелюбно улыбнулся:

– Надеюсь, ты получишь от обучения большое удовольствие.

Гарвин очнулся с головной болью.

– Такие дела, – сказал Дилл.

– Какие дела?

– Ты видел по холо, как новобранцы только и делают, что маршируют туда-сюда по плацу, а твеги на них орут?

– Конечно, – ответил Янсма. – Можно встать?

– Валяй.

Гарвин высвободился из облегающего кресла и потер локоть в том месте, куда Дилл три часа назад сделал ему укол.

– Так вот, что касается всего этого топтания по плацу, – сказал Дилл. – Отряд... равняйся!

Гарвин непроизвольно вытянулся в струнку и застыл как каменный, руки по швам слегка изогнуты в кистях, пятки вместе – носки врозь. Его голова вывернулась так, что ее верхней частью стал подбородок.

– Кру-у-гом!

Гарвин чеканно переставил ноги и резко развернулся на сто восемьдесят градусов.

– Я могу заставить тебя маршировать вперед, назад, налево, направо, вверх и вниз, – сказал дек. – Выполнять перестроение на марше, равнение на фланги и всю остальную срань. И все это ты будешь проделывать так, как будто ты десять лет только этим и занимался – без шума, без пыли. Одно гипнокондиционирование, три часа в кресле, и все как надо. Никаких мозолей, ни одной капли пота.

От ужаса у Гарвина зашевелилась кожа на голове.

– Так что?.. Это кондиционирование может заставить меня делать все что угодно?

– Ага, – подтвердил Дилл. – А потому инъекцию может сделать только офицер, причем в присутствии группы квалифицированных медиков. – Он засмеялся. – Видишь, как армия заботится о твоих гражданских правах? – Увидев лицо Гарвина, он оборвал смех. – Извини. Наверно, после первого раза это не очень смешно. Это простейший тип кондиционирования, на один укол. Он эффективен только потому, что не вызывает у тебя внутреннего конфликта. Если б я захотел заставить тебя, скажем, пойти и убить твою собственную мать, на это потребовалось бы гораздо больше времени. Может быть, год. Поэтому кондиционирование эффективно далеко не всегда.

– А что это такое – кондиционирование?

– Похоже, ты вырос на вполне пристойной планете, – ответил Дилл. – По всей Конфедерации его используют как крайнюю меру наказания. Три сеанса, и у тебя в голове начинает звучать тихий голосок, который постоянно талдычит, что ты должен и чего не должен делать. Мерзопакость.

– Там, откуда я ушел в армию, – сказал Гарвин, – ничего подобного не было. Там за любое серьезное преступление полагался расстрел на месте.

– Да, гуманизма везде хватает, – согласился Дилл. – Хватит болтать. Пора заняться делом. Как истинным защитникам Конфедерации нам предписано подстричь лужайку перед резиденцией коуда.

– Рекрут Иоситаро, – прокричала Моника Лир в дюйме от уха Ньянгу. – Это не очень тяжелое бревно. Или тяжелое?

– Нет, дек.

– Может, тебе не нравится эта игрушка, рекрут Иоситаро?

– Нравится, дек!

– Я так и думала. Отряд... на счет три перекинуть бревно на другое плечо! Раз... два... три!

Пятеро новобранцев одновременно перебросили восьмифутовое бревно с левого плеча на правое.

– Не стройно, не слаженно, – крикнула Лир. – На счет три бросаем бревно. Раз... два... три!

С глухим стуком бревно свалилось на землю.

– Отряд, равняйся! Три глубоких вдоха, синхронно...

Иоситаро втянул в себя воздух и часто заморгал глазами,

пытаясь выгнать из них пот. За всю свою жизнь он никогда не подвергался таким истязаниям ни от отца, ни от полиции. Он и сам не мог понять, почему он до сих пор не сказал Монике Лир, чтобы это бревно она засунула себе... Сдалась ему эта разведка – можно и в простой пехоте послужить. «Может быть, – думал он, – потому, что просто боюсь. Кто знает, что она со мной сделает, если я хоть заикнусь об уходе».

В кабинете Дилла Лир казалась ему красивой, а теперь он воспринимал ее не иначе как кровососущего монстра, восставшего из того самого ада, в существование которого он лишь совсем недавно поверил. Что до пчелы, которая ее вроде бы поцеловала, то он надеялся, что это мифическое животное размером как минимум с «грирсон» вскоре вернется, чтобы поцеловать ее еще раз.

– Отряд, мы довольны? – рявкнула Лир.

– Да, дек.

Ньянгу удивлялся тому, что четверым его товарищам удалось выжить. Ведь они уже две недели подвергались этим истязаниям. Наверное, местные жители выносливее, чем кажутся. За три дня участия в этом идиотизме ему не удалось узнать о них хоть что-нибудь, кроме имен и кратких сведений о том, что они делали до армии. Палатки, в которых они ночевали, стояли напротив барачков, казавшихся теперь Ньянгу более роскошными, чем любой отель люкс, когда-либо им ограбленный. К тому времени, когда Лир наконец разрешала им расползтись по палаткам, особого желания чесать

языком ни у кого уже не было.

О Хэнке Фауле было известно, что он бывший 'раум, один из тех шахтеров-сектантов, о которых две тысячи лет назад на «Мальверне», когда у Ньянгу еще не болело все тело, рассказывал им Петр. Но до сих пор от Фаула никто не слышал никаких проповедей. Он вообще все время молчал. Только один-единственный раз, показав Иоситаро, как разбивать палатку, он под конец прибавил, что беспокоиться не о чем, поскольку не пройдет и недели, как Лир всех их загонит в гроб. И когда над ними произнесут прощальную речь, они смогут наконец отдохнуть. Казалось, что Фаула совсем не утомляет любая зубодробительная физкультура, которой их мучила Лир: ни предрассветный бодибилдинг, ни полуночный кросс по пересеченной местности.

Заметив, что кожа на животе Эрика Пенвита немного провисает, Ньянгу понял, что до знакомства с Моникой Лир этот парень обладал более плотной комплекцией. Он говорил, подчеркнуто растягивая слова, из чего можно было заключить, что семья Пенвитов – не самая бедная на D-Камбре. Эрик, похоже, был паршивой овцой в своем семействе. Во всяком случае, Ньянгу казалось, что богатому парню незачем месить грязь в Кэмп-Мэхене вместо того, чтобы сидеть в мягком кресле и курить сигары в компании себе подобных.

Глядя на девушку по имени Энджи Рада, миниатюрную, с небольшой грудью, Ньянгу почему-то сразу начинал думать о повязках из черного шелка, ароматических свечах и о сек-

се более разнузданном, чем его самые смелые фантазии. Он даже всерьез прикидывал, что бы сделала с ним Лир, застигнув в чужой палатке. Однако он быстро понял, что это дурацкие мечты, поскольку из-за постоянной усталости встать у него могли разве что волосы дыбом.

Последнего из истязуемых звали Тон Майлот. Он тоже не отличался ростом, но был весьма крепкого сложения. Все казалось ему смешным. Как и Фаул, он никогда не выглядел усталым или раздраженным. Однажды он сказал Ньянгу, что Лир – это просто мыльный пузырь. По его словам, ее садизм был ничем по сравнению с рыбалкой в его родной деревне.

– К тому же, – добавил он, – она не умеет топить людей.

– Ничего, научится, – пообещал Пенвит.

Все пятеро стояли рядом со своим бревном в пятидесяти метрах от ротной столовой. Солнце достигло зенита, и к зданию ручейками стекались солдаты.

– Вы, наверное, проголодались?

– Да, дек.

– Нет, вы не проголодались. Или проголодались?

– Нет, дек.

– Мы не хотим есть, мы хотим бегать, правда?

– Да, дек. – Ньянгу почувствовал, что в поисках пищи его желудок сейчас вывернется наизнанку и начнет обглаживать легкие.

– Почему так тихо? Напра-аво! Шаг вперед! Два шага вперед! Так, родные. Отсюда и до пляжа бегом марш! Попро-

буем никого не потерять по дороге. Если никто не свалится замертво, то для великолепно освежающего отдыха мы проплывем пару сотен метров вольным стилем.

Еще раз проверив, в порядке ли резьба, Гарвин сильнее налег на гаечный ключ. Гайка раскололась на две равные части.

– Мать твою, – пробормотал он, вспомнив рассказ Дилла о судьбе экипажей, чьи корабли оказались в ремонте. «Интересно, – думал он, – будет ли „грирсон“ считаться боеспособным с этой поломкой?»

Гарвин подергал решетку воздухозаборника, и она легко сдвинулась с места. Да, дела... Кто-нибудь обязательно заметит, что из крыши машины торчит здоровенный винт без гайки, и вся команда отправится распылять растворитель. Эта работа состояла в том, что ты вешал на спину огромный резервуар с едкой дрянью и распылял ее на загрязненные детали и механизмы.

Янсма слез с крыши БМП и, выйдя из ангара, направился на склад. Через полчаса он, не солоно хлебавши, поплелся обратно.

– Нет у нас такой хреновины, – сказал сержант на складе, едва взглянув на останки болта. – Заказ не пришел. – И злобно добавил: – Похоже, у вас серьезная поломка. Нам бы тут не помешал аккуратный парень вроде тебя. Надо вынести со склада и закопать тридцать тонн гнилых овощей. Твой экипаж, наверное, тебе поможет.

В общем, сержант оказался порядочной сволочью.

Когда Гарвин подошел к ангару, внезапная мысль заставила его остановиться. Металлические двери ангара были собраны из железных полос, скрученных вместе болтами. «Зачем дверям ангара столько болтов? По размеру вроде подходят». Взяв разводной ключ, он скрутил одну гайку. «Отлично», – поздравил он себя и несколько раз подбросил гайку в воздух.

– Какого черта тебе тут надо?

Гарвин отпрыгнул на метр и, обернувшись, увидел искаженную злобой красную морду первого твега Малагаша.

– Э-э... да ничего, командир. Просто решил передохнуть, а теперь иду...

– А что у тебя в руке?

– Э-э... да ничего. Гайка вот.

– И для чего она тебе?

Гарвин изобразил невинность.

– Ты когда-нибудь слышал слова «строгое соответствие», солдат? – проскрежетал Малагаш. – В армии каждая вещь имеет свое предназначение. И эту гайку, которую ты только что открутил с двери, запрещается использовать в «грирсонах».

– Да, сэр, но...

– С кем ты собираешься спорить?

– Ни с кем, сэр. Не собираюсь, сэр, Первый твег, сэр.

– Ты что, хочешь закончить курс обучения в дисципли-

нарном взводе?

Гарвин содрогнулся. В дисциплинарном взводе занимались только одним делом: один день рыли яму, на второй день – засыпали ее, на третий день рыли следующую яму, и так далее. А вместо перекуров – тяжелая атлетика.

– Нет, сэр. Никак нет, сэр.

Малагаш полминуты сверлил его взглядом и наконец смягчился:

– Приведи-ка ко мне своего командира, солдат. Мы с ним обсудим твое поведение и его методы руководства новобранцами. Потом отправишься в столовую и доложишь там сержанту, что хочешь почистить жиρούловитель.

– Ради этой штуки, в конце концов, все вы тут и нужны, – сказала Лир.

Ньянгу внимательно посмотрел на закругленную, покрытую черной оксидной пленкой коробку в своей руке. Восемнадцать сантиметров в длину, восемь на тринадцать в разрезе; два зажима наверху, спусковой крючок с предохранителем, главный предохранитель снизу и прорезь для подачи боеприпасов перед спусковым механизмом. Коробка была на удивление тяжелой – около полутора килограммов.

– Операционное устройство бластера, марка 21, – продолжала Лир. – Кишки почти любого оружия, с которым вам придется иметь дело. Смотрите. – Она взяла такую же коробку, какая была выдана каждому из рекрутов.

Позади нее в оружейной были выставлены разнообраз-

ные бластеры. Короткий бластер длиной с руку Иоситаро. Другой, побольше, с тяжелым прикладом, длинным стволом, внушающим уважение оптическим прицелом. Третий, еще больше, опирался на разлапистую сошку. Четвертый был смонтирован на увесистой треноге.

Лир выбрала самый маленький, перевернула, сунула в него коробку, защелкнула зажимы.

– Ваш базовый карабин готов к действию. Вытаскиваем кишки, – она отстегнула коробку, – и засовываем вот сюда. Пожалуйста – снайперская винтовка. На двух ногах – базовый пулемет поддержки, на треноге – зенитная установка малого калибра. И во все это втыкается коробка, которая в ваших руках. Патроны подаются снизу, иногда – из магазина, иногда – с ленты, иногда даже с барабана. Мы берем на задание именно барабаны, поскольку тактика РР – нанести мощный удар, раствориться и исчезнуть. С магазином у вас тридцать шансов кого-то убить, с барабаном – сто. В ленте – двести пятьдесят или пятьсот зарядов. Вот так выглядят патроны. – Она продемонстрировала маленький цилиндр размером с мизинец. – Работает без шума и пыли. Вся энергия заряда уходит через ствол, гильза сгорает. Так что не стоит беспокоиться о том, что гоблины могут подобрать кучку бесполезных железяк.

«Ага, гоблины, – про себя отметил Иоситаро. – Так говорил и Петр. Видно, так в разведке называют плохих ребят».

– Это утро мы посвятим сборке-разборке этих примочек.

После этого – обычная программа: бег, поднятие тяжестей и так далее, – сказала Лир. – С завтрашнего утра начнем учебные стрельбы. Ничего страшного, просто будто вы завинчиваете шуруп себе в ладонь. Мы будем заниматься этим пять дней. Потом отправимся на полигон, где познакомимся с боевыми патронами.

– Стрелок! – скомандовал Дилл. – Приготовиться! Цель! На приборной панели Янсмы загорелся сигнал тревоги.

– Сканирую расположение противника, – прозвучал в наушниках голос Канг. – Есть!.. Я обезвредила их радар. Теперь они слепые.

– Вперед на небольшой высоте! – распорядился Дилл. – Высота полметра.

– Идем, капитан, – ответил Горецки.

– Стрелок! Противник прямо по курсу!

Экран находился внутри шлема. Как Гарвин ни пытался неуклюже двигать шеей, расстояние до глаз сохранялось. Наконец он что-то увидел. Сначала всего лишь цепь скал с дереушкой перед ними.

– Стрелок!

Гарвин напряг зрение и увидел, как один из домов в деревне сдвинулся с места.

– Вижу цель, дек... то есть капитан, – поспешно поправился он. – Танк противника... Нет, два.

– Огонь!

– Первая ракета, – ответил Янсма, сжимая в правой руке

податливую рукоятку. «Грирсон» накренился, и перед взором Гарвина возникло облачко дыма от ушедшей вперед ракеты. Подвигав левой рукояткой, Гарвин превратился в эту ракету. Он бешено работал левой рукояткой. Огромный танк стремительно надвигался на него, поворачивая башню с пушкой. Вдруг наступила темнота.

– Попадание, – сказал Дилл. – Огня не вижу, но цель уничтожена.

– Вторая ракета, – доложил Гарвин, с трудом сдерживая восторг, и снова превратился в ракету.

Танк, ставший его целью, выплюнул сноп огня, и Гарвин завертелся, подался в сторону, перевернулся. Ракета ударила в хижину рядом с танком.

– Промах... Третья ракета, – крикнул он, и снова из «грирсона» вышла ракета, прорвалась сквозь взрывную волну от пушечного выстрела и взорвалась, ударившись о танк.

Гарвин тут же переключился на главный контроль и увидел, как с корнем вывернуло башню танка, как она упала на корпус, сминая броню, как бумагу, и как вспыхнуло пламя.

– Район очищен, – заключил Дилл. – Набрать высоту.

– Ошибка! – крикнул Янсма, заметив какое-то движение. – Они еще...

– Заткнись, стрелок, – приказал Дилл. – Вижу. Пехота противника. Наступают цепью. Расстояние триста метров.

– Быстро сделай их, – встряла Канг. – У них ракетные установки. Целятся в нас. По моим данным, наше дело дрянь.

В системе выбора оружия Янсма нажал кнопку многоствольного пулемета, и перед ним возникло перекрестье прицела. Он поймал на мушку цепь пехотинцев, нащупал на правой рукоятке гашетку и указательным пальцем придавил ее. Донесся рев пулемета, и изогнутая полоса красной плазмы стерла с лица земли пехотинцев в центре цепи. Янсма направил гигантский хобот сначала направо, потом – налево.

– Цели уничтожены, – доложил он, и экран перед ним погас. Он снял шлем.

– Неплохо, – скупно похвалил Дилл по интеркому. – Теперь – другой сценарий. Война в воздухе.

Гарвин стер пот с лица, надел шлем обратно. Перед ним возник какой-то астероид. Рядом с ним на низкой орбите висел их «гриссон». Было видно, как с поверхности астероида ракетные установки бьют по другим «гриссонам», пытающимся приземлиться, и как тяжелые корабли, «Жуковы», обрушиваются на астероид шквал управляемых снарядов.

– Цель – взлетающий звездолет противника, – приказал Дилл.

В поисках цели Янсма шарил глазами по картинке и не мог найти. Потом он увидел корабль неизвестной ему конструкции, взлетающий из-за скалы.

– Вижу цель, капитан.

Гарвин услышал под собой глухой стук, глянул вниз мимо шлема и увидел, что на пол рядом с креслом симулятора, в котором он сидел, упала граната цилиндрической формы. В

то же мгновение она взорвалась. Повалил белый удушливый дым, окутавший Янсму. Слезы брызнули у него из глаз, перехватило дыхание. Он задыхался, кашлял.

– Давай, стрелок, – послышался довольный голос Дилла. – Где этот гребаный звездолет? Давай, мальчик. Я же говорил, нам нужен стрелок, а в компьютерные игры может играть любой кретин.

Посреди лужи грязи, вглядываясь в заросшее низкой колючкой поле, Ньянгу Иоситаро лежал в образцовой позиции для стрельбы. Расставив ноги, он упирался в землю носками ботинок и локтями. Приклад бластера плотно упирался в правое плечо. Лир присела на корточки рядом с ним, справа, очень близко. В левой руке она держала небольшой пульт дистанционного управления.

– Готов?

– Готов, дек.

– Заряди один патрон. – Она протянула ему заряд.

Вставив патрон в затвор, Ньянгу захлопнул крышку.

– По-настоящему стреляешь в первый раз?

– Да, – соврал Ньянгу.

– Снять с предохранителя.

Он шелкнул рычажком.

– Внимательно смотри вперед. Приготовиться.

Он подчинился и стал напряженно всматриваться в поле через кружок оптического прицела. Большим пальцем Лир стукнула по коробке дистанционного управления. В поле

что-то шевельнулось. Из ниоткуда вынырнул человеческий торс. Ньянгу поймал его в центр прицела и нажал на спуск. Раздался сухой щелчок, приклад бластера легонько ударил в плечо, в центре мишени вспыхнуло пламя.

– Попадание. В центр, – сказала Лир, вручая ему следующий заряд.

Он зарядил бластер.

– Внимание, приготовиться...

Из десяти зарядов все десять попали в цель.

– Ты уверен, что раньше никогда не стрелял?

– Зачем мне врать?

Лир неожиданно улыбнулась, похлопала его по плечу:

– Неплохо, солдат. Может быть, у тебя и получится. – Она резким движением поднялась и направилась в сторону грязной лужи, в которой лежала Рада.

Иоситаро втянул ноздрями воздух, наэлектризованный выстрелами, и услышал еще один запах, едва уловимый. Фиалки и миндаль.

«Она, конечно, монстр, – подумал Ньянгу, – но в духах разбирается».

Глава 9

– Легко мечтать о том, что будет, когда мы захватим Камбру и нам наконец выпадет шанс сделать так, что все будут служить идеалам 'раум. – Комсток Бранен обращайся к семерым, собравшимся на вырубке в джунглях. – Все будут знать истину, подчиняться истине, черпать силу в истине. Но если просто сидеть и мечтать, это повредит нашему общему делу. Ведь у правительства планеты есть настоящие враги. Их солдаты стреляют настоящими пулями. А смерть – это слишком серьезный аргумент против прекраснодушных фантазий. Сначала – битва, потом разговоры. – Он позволил себе улыбнуться. Шестеро из семерых послушно засмеялись. На этом фоне нельзя было не заметить неподвижное лицо Джорл'на Брукса. – Ты не согласен?

– Разумеется, согласен, – ответил Брукс. – Но я не думаю, что можно смеяться, когда речь идет о нашем священном долге. Мы всегда должны быть уверены, что идем по правильному пути. Иначе мы рискуем повторить ошибки сохов, наших наставников. Внушая нам, что время и размышления обратят всех в нашу веру, они угодили в лапы к негодьям из правительства.

– Ты прав, брат. Но даже в пылу борьбы не следует забывать о гуманизме, о том, что существуют любовь, смех, доброта.

– Гуманизм, – отрезал Брукс, – мы оставим на потом. К нему мы вернемся, когда захватим Высоты и свергнем правительство.

Брайен было нахмурился, но тут же вернул себе спокойствие.

– Ладно, брат. Поговорим об этом вечером. Сейчас надо учиться. – С этими словами он развернул холстину, в которую были завернуты семь маленьких винтовок. – Если у вас есть дети, то вы, наверное, видели такие. Но это не совсем игрушки. Это скорее учебное пособие начинающего бойца. Они пневматические, с ручным насосом. Бьют на двадцать метров или около того, а в наших холмах больше и не нужно. Стреляют маленькими медными шариками. Из них можно подстрелить птицу или фелмета... Или выбить глаз человеку. В отличие от Конфедерации, у нас нет ни полигонов, ни достаточных средств, чтобы обучать солдат. Эти винтовочки помогут вам научиться стрелять... и попадать в цель.

Он раздал шесть винтовок и насыпал каждому пригоршню пулек. Брукс оружия не получил.

– Для начала поиграем в облаву. Один будет беглецом, скрывающимся от властей, остальные – патрулем, посланным на его поимку. Когда обнаружите беглеца, пожалуйста, не цельтесь ему в лицо. Утрата оружия – большая потеря для нас, но еще большая потеря – утрата человека. Брат Ибарра, ты возглавишь патруль. Брат Брукс, – продолжил Брайен со строгой улыбкой, – поскольку ты днем и ночью мечтаешь о

революции, тебе, наверное, будет приятно сыграть роль настоящего пламенного революционера в бегах.

Брукс встал.

– Считаю до двадцати, – сказал Брайен, – потом начинаем...

Джорд'н Брукс мгновенно скрылся в зарослях. Брайен изумленно посмотрел ему вслед, пожал плечами и начал отсчет. Дойдя до пятнадцати, он перестал считать.

– На войне нельзя быть честным, – сказал он. – В погоню!

Шестеро двинулись вслед за Бруксом. Одни шли по джунглям привычным быстрым шагом, другие – медленно и неуклюже. Услышав, какой шум они поднимают, Брайен грустно покачал головой, но успокоился, вспомнив, что и сам он когда-то подавал столь же мало надежд.

Подойдя к краю вырубки, он стал осматривать джунгли, полого спускающиеся к берегу океана. На горизонте к востоку виднелись окраины Леггета.

«Когда-нибудь, – подумал Брайен. – Когда-нибудь».

До него донесся слабый шорох. Он обернулся, собираясь сделать выговор тому, кто уваливает от тренировки. Но увидел припавшего к земле Брукса с винтовкой в руках. Он целился Брайену в грудь.

– Брат, это не...

Раздался хлопок, и дробинка весьма ощутимо ударила Брайена в живот. От боли Брайен подпрыгнул.

– Я же сказал...

– Будь добр, ляг ничком, как будто ты мертвый, – попросил Брукс. – Или мне придется выстрелить еще.

Брайен изумленно похлопал глазами и лег на землю.

– Ты правильно сказал, – произнес Брукс. – На войне нельзя быть честным. – Он замер в засаде под деревом, дожидаясь, когда вернутся остальные.

Глава 10

– А раньше таких проблем не возникало? – с некоторой обеспокоенностью спросил генерал-губернатор Уилт Хэмер.

– Никогда, сэр, – ответил оператор связи. – Я обнаружил, что канал не работает, когда попытался связаться со своим коллегой на Капелле-9 для текущей проверки системы. Компьютер сообщил, что канал не функционирует уже семьдесят три минуты.

– Вы пробовали восстановить связь с Конфедерацией?

– Незамедлительно, сэр. В течение последних трех часов я предпринял все, что в моих силах, но, увы, безрезультатно.

– На том конце совсем ничего? – спросил Хэмер. – Никаких статических шумов, или как это у вас называется?

– Насколько мне известно, для гиперпространственной коммутации не характерны технические неполадки, сэр, – ответил оператор. – Особенно если это канал постоянного доступа, а у нас... был... именно такой.

Хэмер затянулся сигарой.

– Вы – старший техник? Может быть, у вас на станции есть кто-то более опытный?

– Я старший техник, сэр. Обучался на Центруме. Семь лет работал на армию. Квалификация АА+.

– Не обижайтесь, – сказал Хэмер. – Просто мне необходимо знать все наверняка.

Оператор не ответил. Хэмер закусил верхнюю губу.

– Хорошо. Запишите сообщение. Пойдет в 0-коде лично Алену Редруту, регенту Ларикса и Куры. Текст такой: «Потерял связь с Капеллой. Работают ли ваши каналы?»

– Боюсь, будут проблемы. – сказал оператор. – Я сам пытался послать запрос на Ларикс-Куру, в их департамент связи, около часа назад и не получил ответа. Совсем никакого ответа, сэр.

– Попробуйте еще раз. Мне Редрут не замедлит ответить.

– Да, сэр.

Хэмер повернулся к помощнице оператора:

– Свяжитесь со всеми членами совета и с коудом Уильямсом. Я хочу, чтобы в течение часа все прибыли в здание Планетарного правительства. Слышите, в течение часа!

– Хорошо, губернатор, – ответила женщина. Хэмер направился было к выходу, но остановился.

– Оператор, я надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, насколько серьезна, то есть потенциально серьезна эта ситуация?

– Да, сэр.

– Не рассказывайте никому, это значит – вообще никому, о случившемся.

– Я уже известил моего непосредственного начальника.

– О нем я позабочусь сам.

– О ней. Вы позаботитесь о ней, сэр, – повторил оператор.

– Какая, черт возьми, разница! Ничего никому не гово-

ритель. Это мой прямой приказ!

– Да... – Дверь за генерал-губернатором захлопнулась прежде, чем связист успел добавить «сэр».

Оператор присвистнул, нажал кнопку, и с потолка опустился микрофон:

– Шифр IX-N-8.

Динамик сперва загудел, потом звук стал чистым.

– Ибар, Куал, 23. Балар, Балар, говорит центр Планетарного правительства, прием...

– Планправцентр, говорит Балар, прием, – ответили ему с единственного спутника С-Камбры.

– Керен?

– Да, я.

– У нас в центрифуге – редкие металлы, – сообщил оператор. – На этот раз – просто бриллианты.

Глава 11

Сегодня Ньянгу дежурил по роте. Дело было нехлопотное – сиди на вахте, отвечай на звонки, сходи, куда пошлет дежурный офицер. Эти дежурства давали рекрутам возможность немного расслабиться, привести в порядок обмундирование.

Но сегодня вечером все было иначе. Дежурный офицер, дек Элис Куант, сразу предупредила Ньянгу, что альт Хедли остался в кабинете и три часа не слезал с аппарата секретной связи. Ужин, против обыкновения, он потребовал в кабинет. Происходило что-то необычное, и Ньянгу решил, что на сей раз не будет чистить ботинки и пришивать пуговицы.

Вскоре в кабинет Хедли проследовали старший твег Гонсалес и аспирант Воксхолл в сопровождении трех офицеров с эмблемами штаба Корпуса на петлицах. У всех был встревоженный вид. Ньянгу гадал, что же такое случилось. Столько офицеров одновременно он не видел с тех пор, как давал присягу.

Хедли открыл дверь.

– Дек Куант, разыщите финфа Кипчака. Пусть явится.

Ньянгу отметил, что Хедли использует полные звания и фамилии. Видно, дело нешуточное.

– Да, сэр.

Дверь закрылась.

– Рекрут, ты слышал приказ? – спросила Куант. – Кипчак служит в... – Она посмотрела в штатное расписание. – Группа «Гамма», первое подразделение. Шевелись!

Петр оказался в общей казарме группы «Гамма». Он придирчиво изучал висящий на вешалке бронежилет. Отстегнув кобуру, укрепленную под мышкой справа, Кипчак пристегнул ее пониже, над поясом. Рассмотрел, нахмурился, помотал головой и вернул кобуру на прежнее место.

– Начальство вызывает, – сообщил Иоситаро.

– Ого! Что надо боссу?

– Не знаю. Просто приказано явиться.

– Мамочки! – сказал Петр. Он надел кепку, оглядел форму и стремительно направился к двери. Ньянгу едва поспевал за ним.

– Как твои дела? – спросил Кипчак. – Последний раз я тебя видел на присяге.

– Ни на что нет времени, – ответил Иоситаро.

– Я слышал. Лир умеет это устроить. Выплывешь?

– Не знаю, – признайся Ньянгу. – Сомневаюсь. Я бы с удовольствием постоял на камушке.

– Не ты один.

Они спустились на второй этаж и почти бегом влетели в штаб роты.

– Иди на ковер, – приказала Куант, и Кипчак исчез за дверью.

– Схожу за кофе, – сказала она Ньянгу. – Когда собирается

столько начальства, нужен кофе.

Она ушла. Ньянгу оценил ситуацию, подошел к рабочему столу первого твега и включил интерком. В кабинете командира роты звучал голос Кипчака.

– Нет, сэр. Мне это неизвестно. Мы целый день провели на полигоне.

– Кроме вас, нам не удалось найти ни одного человека, в последний год побывавшего хотя бы в другой системе Конфедерации. Про Ценгрум я и не творю, – звучал незнакомый голос. – По словам твега Гонсалеса, у вас хватает ума, чтобы дать нам хоть какую-то полезную информацию.

– Вряд ли я могу о чем-то судить, сэр. – Петр говорил неохотно. – Я ведь не аналитик. И вообще, я предпочел бы не говорить на эту тему.

– Почему? – спросил Хедли.

– Потому что... Потому что если я скажу то, что думаю, меня могут записать в сумасшедшие.

– Мы попробуем понять, – прозвучал незнакомый голос.

– Давай, Петр, – сказал Хедли. – Всем, кто живет на этой планете, сейчас очень нужны факты. Пусть это даже сумасшедшие факты.

– Как прикажете, сэр, – ответил Кипчак и заявил: – Я думаю, что Конфедерация разваливается. То есть уже развалилась, если я правильно понимаю. Сэр, когда я последний раз уволился, то провел на гражданке целый год. Все, что меня окружало, было ни на что не похоже. Я знаю, людям с такой

биографией, как у меня, может казаться, что мир катится в тартарары. Но вот вам факты. Во-первых, я так и не получил денег, полагающихся при увольнении. Я ходил по всем инстанциям, но мои бумаги оказывались где угодно, но не там, куда я приходил. С каждым разом в очередях у госучреждений стояло все больше и больше таких, как я. Тех, кому что-то было нужно от государства. И никто ничего не мог добиться. Всем отказывали под разными предлогами, а некоторые говнюки-бюрократы не удосуживались даже изобретать предлоги. Я начал сравнивать происходящее с тем, что помнил по доармейской жизни. Все шло не так. И никому, во всяком случае никому из начальства, ни до чего не было дела. Общественный транспорт ходил без всякого расписания, если вообще ходил. На транспортных развязках – пробки, аварии, обвалы. А все только пожимают плечами, как будто так и надо. Преступность стала видна без всяких газет. Да какая преступность! Убивать стали просто ради того, чтобы убивать. Без цели ограбления, без всякой видимой корысти. Чуть ли не каждый день кто-то из политиков оказывался на скамье подсудимых, и никто этому не удивлялся. Может, мне в этой ситуации просто показалось, но я заметил, что богатые люди стали сверхбогатыми, а бедные – почти нищими. Увидеть на улице богатого человека было почти невозможно – они редко выходили из своих районов, похожих на средневековые крепости. Если выходили, то с несколькими телохранителями, а если выезжали – легко могли поймать кирпич

на ветровое стекло. Тот, кто его бросил, считался героем.

– Вспыхивали массовые беспорядки, – продолжал Петр. – Они, конечно, возникают то здесь, то там уже дюжину лет. Поволнуется народ и перестанет. Мы с твегом Гонсалесом не понаслышке знаем, что это такое. Но теперь, во всяком случае на Центруме, все выглядело иначе. Бунтовали не только те, кому нечего терять – обитатели трущоб и безработные, – бунтовали все. И не потому, что им хотелось полюбоваться зрелищем горящих магазинов или добиться, чтобы пришел наконец транспорт с продовольствием, а потому, что каждый был чем-то сильно обижен и не дождался никаких извинений. По холо какое-то время показывали, как такие же волнения сотрясают и другие планеты Конфедерации. Но потом все эти репортажи прекратились, как будто правительство запретило журналистам быть честными. Стали ходить разные слухи. Говорили о планетных системах, с которыми прервалась связь. О целых группах звезд, претендующих на независимость и собирающихся выйти из Конфедерации. Дважды я слышал истории о том, как кого-то застрелили прямо в парламенте Конфедерации. Я в это не верил, но может быть, зря. Не могу судить, сэр. Возможно, это просто мои фантазии – ведь я много читаю. Но все, что я видел вокруг, напоминало мне другие империи, когда они начинали шататься под собственной тяжестью. Рим, Британия, Второй Марс, теперь – Капелла. Так что обрыв вашей связи меня не удивляет. Вы просили меня рассказать. Я рассказал,

что знаю.

– Спасибо, Петр, – сказал Хедли. – Ты свободен. Спасибо.

– Да, сэр. Спасибо вам, сэр.

Ньянгу едва успел отключить интерком и отскочить, как из кабинета вышел Кипчак. Он был слегка бледен.

– Черт! Черт! – бормотал он. – Как я не люблю говорить с офицерами! Особенно когда их больше двух. – Он не стал задерживаться, и Иоситаро снова включил интерком.

– ... так что вряд ли есть повод удивляться, – сообщил незнакомый голос.

– Но все же крах после... Я хочу сказать, сколько времени уже существует Конфедерация?

– Тысячу лет, даже больше.

– Но когда что-то ломается, – сказал Хедли, – то ломается очень быстро.

– Особенно, – включился Гонсалес, – когда все годами заботятся только о фасаде здания, укрепляют его балками и суют штукатурку в трещины. И никого не волнует, что творится внутри.

– Но что будет с нами? – спросил кто-то другой. – Вот в чем главный вопрос. Если у Конфедерации проблемы, если не работает политическая система, транспорт, связь, то какие выводы из этого должны сделать мы?

– Кто эти мы? – спросил Хедли. – Корпус? Камбра? Человечество?

– В гробу я видел человечество! – отозвался голос. – Нач-

нем с Корпуса.

– Ну, – сказал еще один офицер, – Корпус никуда не денется. В системе Камбра мы – сила. Вряд ли 'раум в джунглях зашевелится быстрее, когда узнают новости. Как вы считаете?

– Я считаю, – сказал Хедли, – что с той минуты, когда они узнают, что за Планправом больше не стоит Конфедерация, они с большим удовольствием станут слушать своих диссидентов: и с гораздо большим воодушевлением кричать: «В задницу рантье! В задницу Планправ!» Как бы вы поступили, если бы были простым шахтером-'раум?

– Поскольку я не 'раум, то не буду это обсуждать, все и так ясно, – сказал кто-то. – Но нет ли какой-то связи между потерей связи и пропажей «Мальверна»?

– Пираты, – презрительно сказал другой голос. – Неужели коуд Уильямс действительно верит в эту чушь?

– У него нет выбора, – ответил Хедли. – Или эта чушь, или ему, бедному, пришлось бы думать о том, что затевает Редрут.

– Мне не нравится этот поворот разговора, – заявил офицер. – Мы вступили на очень скользкую дорогу. Не лучше ли перейти к другим проблемам. Но, должен заметить, Редрут мог быть в курсе трудностей Конфедерации. Допустим, таковые действительно имеют место, а этот ваш Кипчак – не сумасшедший. Тогда Редрут давно мог тянуть одеяло на себя. Я не прав?

– Я думаю, этот вопрос тоже лучше оставить без ответа, да и не наше это дело на него отвечать. Во всяком случае – не мое, – сказал Хедли. – Действительно, давайте сменим тему разговора, – поддержал Хедли. – Ангара, ты ведь женат на местной уроженке? Как ты думаешь, когда все узнают, что большой долбаный папа оказался мыльным пузырем, не начнут ли люди превращаться в сраных макак? Похоже, на Центруме уже превратились, если верить Петру.

– По первым прикидкам ничего такого не случится, – ответил незнакомец. – Камбра всегда была захолустьем на краю Галактики, и особо тесных связей с Конфедерацией у нее никогда и не было. У местных рантье своя собственная маленькая империя. Так что им до лампочки, что там произошло на большой земле. Что до 'раум, то они только о своей доморощенной нирване и думают. Может быть, недовольство проявится позже, когда станут кончаться запасы импортных продуктов. Но импортируются в основном предметы роскоши, а кто станет воевать с правительством из-за бутылки вегийского шампанского?

– Ну а мусфии? – спросил Хедли. – Вдруг, когда они узнают, что у нас за спиной больше нет большой палки, им вздумается немного побуяннить?

Ньянгу услышал шаги в коридоре, быстро выключил интерком и помог деку Куант погрузить напитки и закуски на большой поднос. Когда с этим было покончено, он попросил разрешения выйти на улицу подышать свежим воздухом.

С неба на него посмотрели два из трех спутников D-Камбры. Один висел над головой, второй, более далекий, быстро пересекал ночное небо. Ньянгу стал всматриваться в холодный блеск неродных, затерянных на краю империи звезд.

Какое будущее ждет его, если Конфедерации больше нет, если от нее остались одни обломки? Если до конца своих дней ему придется жить на этой богом забытой планете?

Ньянгу сковал такой ужас, какой он до этого испытал лишь однажды, в полузабытом детстве. Он испугался чего-то, чего нельзя увидеть, с чем нельзя подраться, от чего нельзя убежать.

Глава 12

Джорд'н Брукс с удовольствием слушал рев трибун, доносящийся с гигантского стадиона. «Отлично, – думал он, – Свиньи у лохани. Пусть смотрят, как их братья молотят друг друга!».

Он кивнул двоим подручным, они все вместе вышли из подъемника, угнанного днем раньше, и направились к главному входу на стадион. Все трое были в длинных плащах, хорошо укрывавших от измороси, которую принес ветер с залива.

Заметив их, два охранника из частного агентства, контролирующие вход, перестали болтать.

– Извините, парни, – сказал один. – Вам туда не попасть. Прошло уже больше половины матча, и ворота закрыты.

– Какие это парни? – сказал другой. – Это же 'раум гребаные. У них это на лбу...

Брукс распахнул плащ, выхватил бластер, оборвал охранника выстрелом в живот, а когда тот согнулся пополам, добил в голову. Второй охранник успел только оледенеть от ужаса и упал замертво, сраженный огнем другого бластера.

В толпе болельщиков, захваченных зрелищем, никто не услышал выстрелов.

Трое 'раум отволокли трупы в заросли папоротника рядом с дорогой, взломали ворота и неторопливо прошли на стади-

он. Миновал огромный бар, густо набитый клиентами, они поднялись по лестнице к двери с табличкой: «Вход только для персонала».

Один 'раум выстрелил в замок, Брукс распахнул дверь ногой, и все трое ворвались в помещение и прижались спинами к стенам по обе стороны дверного проема.

В офисе было четыре человека – двое мужчин и две женщины. Они совали ворохи кредиток в счетные машины, а машины, пошуршав, с другого конца выплевывали аккуратно заклеенные и маркированные пачки банкнот.

Одна из женщин взглянула на них, увидела бластеры и открыла рот, чтобы закричать.

– Молчать, – ровно сказал Брукс, и она беззвучно захлопнула рот.

– Деньги! В эти мешки. Быстро!

Один из мужчин с беспокойством посмотрел на грабителей.

– Мы все сделаем, – торопливо заговорил он. – Только прошу, не выходите из себя. Никакие деньги не стоят того, чтобы из-за них умирать. Не убивайте нас.

Брукс кивнул, и четверо принялись со всей поспешностью утрамбовывать деньги в мешки. Когда с этим было покончено, двое 'раум взвалили набитые до отказа мешки себе на плечи.

– Я обещаю, что мы не будем никого звать, – бормотал начальник конторы, – пока вы не успеете уйти достаточно

далеко.

– Да-да, – добавила женщина, – не убивайте нас! Мы никому ничего плохого не сделали, и ваших лиц не вспомним.

Брукс кивком указал своим помощникам на дверь и, когда они вышли, направился за ними.

– Спасибо, – сказала женщина. – Спасибо, что оставили нас в живых.

Брукс обернулся, спокойно посмотрел ей в глаза, поднял бластер и нажал на курок.

– Этот ваш Брукс работает как мельница, – сказал Комсток Брайен. – Четыре экспроприации в этом цикле, и при этом никаких потерь. А в последний раз он принес почти четверть миллиона.

– Да, его в оборот уже давно надо было брать, – согласилась Джо Пойнтон. – За все годы моей деятельности у меня впервые нет проблем с деньгами для наших агентов, да и для других нужд. Но вот о чем я думаю: не становится ли ему тесновато в Леггете? Брат Брукс, сдастся мне, человек слишком одаренный для простого разбойника.

– Не вытащить ли нам его из столицы? – предположил Брайен.

– В проектной группе не хватает людей. Ведь мы потеряли Тъарга и Мирам, – поддержала Джо.

– Знаю.

Пойнтон внимательно посмотрела на Брайена.

– Тебе он не по душе.

– Да, – согласился Брайен, – симпатии я к нему не чувствую.

– Почему?

– По мне, он слишком ярко горит.

– Можем ли мы позволить себе такую роскошь, как личные пристрастия? – спросила Пойнтон.

Брайен закусил губу.

– Нет, – неохотно согласился он. – Не можем. И, наверное, нам нужен большой пожар. Тогда, может быть, уже нашему поколению удастся исполнить священный долг.

– Может быть, Брукс – именно тот, кто нам нужен? – подтолкнула Пойнтон.

– Забирай его из Леггета, – заключил Брайен. – Посмотрим, как он поплывет в открытом море.

Глава 13

– Присаживайтесь, мистер Янсма.

– Спасибо, мистер Дилл.

Улыбка на лице Гарвина немного омертвела, когда он оказался в кресле командира «Боевой машины пилотируемой».

– Сообщите мне, когда будете готовы, мистер Дилл.

– Конечно, мистер Янсма.

«Водитель, вызывает электронный перехват, – затрещал интерком. – Что с этими двумя? Подверглись психотропному облучению?»

«Говорит ЭП, – ответила Канг. – Психотропное воздействие очевидно».

– Тишина в машине! – распорядился Гарвин, и разговоры прекратились. – Водитель, двадцать пять процентов мощности двигателей!

– Есть двадцать пять процентов, командир.

– Поехали, мистер Горецки.

«Грирсон» мягко приподнялся над платформой и выплыл из ангара, напоминая застенчивого динозавра в балетных тапочках. Подсознание послало Гарвину панический сигнал: «Это по-настоящему. Симуляторы кончились». Но он отбросил эту мысль и ткнул подбородком кнопку связи.

– Диспетчер, говорит два-альфа-три, прошу разрешения на вылет.

– Говорит диспетчер, – отозвалось в наушниках. – Сообщаю ситуацию в воздухе. Два «жукова» на восточной окраине полигона. Три «кука» отрабатывают точечные удары на лугу... Вылет разрешаю, направление – на усмотрение командира машины.

– Говорит два-альфа-три. Следую на запад, в направлении полигона «Тигры», на высоте тысяча метров. Предупреждаю: командир машины – стажер.

– Вас понял, два-альфа-три. Будем смотреть за вами. Вылет разрешаю.

– Набрать высоту, – приказал Гарвин. – Мощность – пятьдесят процентов.

– Взлетаем, командир, – ответил Горецки, и земля на экране стремительно ушла вниз.

Янсма нажал на кнопку, и на другом экране появилась карта.

– Курс диктовать? – спросил он.

– Ответ отрицательный, – отозвался Горецки. – Туда я долечу с завязанными глазами.

– Отрицательный ответ на нарушение процедуры, – вмешался Дилл. – Янсма учится. Веди машину, как он скажет.

– О'кей, командир... то есть стрелок.

– Гарвин, не вздумай на мне ездить, – предупредил Дилл.

– Прошу прощения. – Гарвин погрузился в карту. – Высота прежняя, скорость увеличить до девяноста, курс 232 градуса.

– Высота тысяча, скорость поднимаю до девяноста, – ответил Горецки. – Летим над водой.

«Грирсон» неся на зюйд-зюйд-вест, к длинной косе, огибающей залив. Там находился полигон «Тигры».

– Поставь на автопилот, – распорядился Дилл. – Гарвин, вот чего я от тебя хочу, когда прилетим к тиграм. Опустись этот металлолом на высоту двести... В следующий раз поведешь машину сам, но пока я тебе обрисую... Когда пройдешь прибрежную полосу, перепрыгивай через холмы и на полной скорости входи на территорию полигона. Все ясно?

– Думаю, да.

– Никаких «думаю», черт возьми! – рыкнул Дилл. – Ясно или нет?

– Да, капитан.

– О'кей. – Дилл переключился на другой канал: – Диспетчер «Тигров», диспетчер «Тигров», говорит «грирсон» два-альфа-три, входим в вашу зону.

– Два-альфа-три, – прозвучал ответ, – видим вас на экране. Что на сегодня?

– Подготовьте программу, э-э, белый-семь-три.

– Вас понял, белый-семь-три.

– Проводим атаку на малой высоте укрепленной базы противника, – пояснил Дилл, переключившись на внутреннюю связь. – Объект защищен силами ударного полка противника при поддержке... э-э, пяти, если не ошибаюсь, «Жуковых». У противника мощные средства противовоздушной оборо-

ны. Электронный перехват, полная боеготовность!

Было слышно, как Канг включила кондиционер в своем тесном отсеке.

– ЭП к бою готов, капитан! – доложила она.

– Стрелок к бою готов, – сказал Дилл, занимавший место Гарвина. – Командуй, босс!

К Гарвину опять подступила паника, но тут же была отброшена внезапной волной уверенности в своих силах.

– Водитель! Скорость триста пятьдесят! Остаться на связи!

На них быстро надвигался берег «противника».

Ньянгу Иоситаро решил, что с него хватит. Хватит терпеть боль в лопающихся мышцах, хватит задыхаться, пытаюсь набрать воздух в обессиленные легкие, хватит слушать крики вечно недовольной Лир. Хватит с него всей этой разведки, и в особенности – этой почти отвесной скалы, по которой он уже давно ползет вверх, но добрался только до середины.

– С меня хватит, – пробормотал он.

– Не разговаривать! – крикнула снизу Лир.

– Я сказал, с меня хватит! – повторил Ньянгу громче.

– Еще одно слово, и тот, кто треплется, отправится чистить жируловитель! – крикнула Лир.

«Я не могу вылезти из этого навоза живьем», – подумал Иоситаро, чуть не плача от жалости к себе.

Он протиснул два пальца в какую-то паучью нору и, наде-

ясь, что схватился крепко, попробовал оглядеться.

– Эй! – шепнула ему Энджи Рада. – Посмотри-ка на меня. – Она сидела на уступе скалы, показавшемся Ньянгу площадкой для строевой подготовки. Чуть ли не десять сантиметров в ширину!

– Ну не прелесть ли я? – Одну руку она заложила за голову, а другой приподняла грудь.

– Е... ть я тебя хотел, – ответил Ньянгу.

– Мог бы, если бы попросил повежливее, – парировала она. – Но сейчас не время для интрижек. Как ты думаешь, на чем я сажу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.